

Айлан Вульф

Лорд и леди
Шервуда

Айлин Вульф

Лорд и леди Шервуда. Том 3

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Вульф А.

Лорд и леди Шервуда. Том 3 / А. Вульф — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Возвращение в Средние земли давнего и самого непримиримого недруга лорда вольного Шервуда влечет возобновление войны между ними, войны не на жизнь, а на смерть. Коварство и беспринципность против доблести и неукоснительного соблюдения правила: не проливать невинную кровь. Война может быть долгой, но однажды она должна завершиться, определив победителя и побежденного.

Содержание

Шервуд	6
Глава восемнадцатая	6
Глава девятнадцатая	23
Глава двадцатая	35
Глава двадцать первая	56
Глава двадцать вторая	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

...злые все-таки обладают так называемым могуществом; пусть так, но ведь их могущество проистекает не из их силы, а скорее из бессилия.

Северин Боэций

Народная привязанность – вот щит
Чудесный для высокого ума,
Который зависти бежать велит
В тот самый хлев, откуда, как чума,
Она и вышла. Вся страна стоит
За правого, любуясь им сама.

Джон Китс

Шервуд

Глава восемнадцатая

– Леди Марианна, милорд! – повторил Хьюберт, стоя за спиной Марианны. – Ваш приказ исполнен.

Мгновение Марианна и Гай молча смотрели друг на друга. Губы Гая дрогнули и, глядя на оцепеневшую от неожиданности Марианну, он сказал:

– Здравствуй, принцесса! Рад видеть тебя живой и в добром здравии.

Марианна стремительно обернулась, готовая опрометью броситься из собора, но Хьюберт не сдвинулся с места, преграждая ей путь, и отрицательно покачал головой, с усмешкой глядя в ее широко раскрывшиеся глаза. Потом он посмотрел поверх ее головы на Гая спокойным взглядом человека, который правильно исполнил возложенный на него долг и теперь ждал следующих приказаний.

Снаружи послышались лязг металла и громкие крики. Гай вопросительно вскинул бровь и посмотрел на Хьюберта.

– Скарлет, – ответил Хьюберт на безмолвный вопрос в его глазах.

– Некстати! – воскликнул Гай, слегка помрачнев при имени брата лорда Шервуда, и Хьюберт поспешил успокоить его:

– Он один и ранен, милорд. Это вопрос нескольких минут для ваших ратников.

– Один и ранен?! – Марианна задохнулась от гнева при виде безмятежного лица Хьюберта.

Прежде чем он или Гай успели остановить ее, она резко ударила Хьюберта в пах и с неженской силой отбросила Гая. Хьюберт согнулся пополам от боли, а Гай, не удержавшись на ногах, упал на спину, повалив на себя две тяжелые скамьи. Не медля ни мгновения, Марианна бросилась к двери. На этот раз дверь открылась легко, и Марианна выскользнула наружу.

Там, окруженный ратниками, словно волк стаей охотничьих собак, стоял Вилл с двумя мечами в руках. Три ратника неподвижно распростерлись на земле у его ног. Остальные, не спуская глаз с Вилла, не осмеливались приблизиться к нему, но и не отступали. Численный перевес был не в пользу Вилла, у которого к тому же на правом плече куртка взмокла от крови. Но весь его облик и громкая слава искусного воина, которая была хорошо известна дружине Гая Гисборна, свидетельствовали о том, что Вилл способен сразить еще нескольких противников, прежде чем его сумеют одолеть.

Занятые Виллом, ратники не заметили Марианну, и она, слетев со ступеней входа в собор, подбежала к привязанной лошади. Взмахом ножа перерезав повод, удерживавший коня на привязи, она вскочила в седло и ударила лошадь пятками по бокам. Рослый жеребец запротестовал против незнакомого и непривычно легкого всадника, прижал уши к голове и вскинулся на дыбы, но был вынужден смириться под твердой рукой Марианны. Конь заржал, и вот теперь ее все заметили – и Вилл, и ратники.

– Немедленно в лес! – крикнул Вилл.

У нее была возможность поднять коня в прыжок и уйти в сторону леса, оставив ратников позади. Но разве она могла бросить Вилла одного, даже если бы это не она втянула его в опасность? А ведь именно она виновата в том, что Вилл сейчас в шаге от гибели или плена. И Марианна заставила коня сделать с места длинный прыжок, но не к лесу, а навстречу ратникам, попытавшись пробиться сквозь их заслон к Виллу.

Раздалось пение спущенной тетивы, и конь захрипел, повалился на бок, придавив собой всадницу. Вилл громко выругался и одновременно отбросил ударом ратника, который решился атаковать его, попытавшись воспользоваться общим замешательством. К трем убитым ратникам присоединился четвертый, сраженный безжалостным мечом Вилла.

Не дав Марианне опомниться от падения, ее резко выдернули из-под бока коня, который бил ногами в воздухе и захлебывался кровью. Ухватив за волосы, ей запрокинули голову и стали связывать руки. Одновременно к ее шее приставили холодное лезвие ножа.

– Вилл! – раздался над ее головой властный голос Гая. – Ты вправе сделать выбор: сдаться мне или с почетом умереть в бою. Если ты выберешь второе, то сначала увидишь, как я перережу ей горло.

Вилл посмотрел Гаю в глаза, и тот в подтверждение своих слов сильнее прижал голову Марианны к своим ногам и, едва прикасаясь к ее шее, сделал скользкое движение ножом.

– Вилл, не верь ему! – крикнула Марианна. – Он не убьет меня сейчас!

– Хочешь проверить, кто из нас прав: она или я? – усмехнулся Гай, не сводя глаз с Вилла.

Тяжело дыша, Вилл мгновение смотрел на кровь, струйкой сочившуюся по шее Марианны из-под ножа Гая, и швырнул оба меча на землю. Ратники немедленно окружили его, и Вилл, не сопротивляясь, позволил связать ему руки. Торжествуя хмыкнув, Гай убрал нож от шеи Марианны.

– Обыщите его со всей тщательностью! – приказал он ратникам, которые связывали Вилла. – Мне не нужны неприятные сюрпризы!

Ратники вытащили из-за пояса Вилла нож, нашли еще два – один под курткой, другой в сапоге, отбросили их в сторону и отошли от пленника. Гай удовлетворенно кивнул, рывком поднял Марианну на ноги и небрежным сильным движением толкнул ее в спину так, что она, пролетев несколько шагов, чуть не упала, если бы Вилл, сделав шаг в сторону, не поймал ее своим плечом. Она прижалась лбом к его шее и скрипнула зубами от бессильного гнева на саму себя. Вилл опустил на нее глаза и еле слышно сказал Марианне на ухо:

– Ты сейчас поднимешь голову, повернешься к ним лицом. В твоих глазах не должно быть слез, а на лице – страха. Поняла?

– Да, – шепнула в ответ Марианна и, вскинув голову, посмотрела ему в глаза.

Он на миг сомкнул веки в знак того, что пора. Она резко обернулась, встав рядом с ним плечом к плечу, и Гая одинаковым холодом встретили две пары глаз – янтарные и серебристые. Не смущенный их взглядами, он уперся кулаками в бока, осмотрел поле боя и высокомерно усмехнулся.

– Итак, чтобы захватить беременную женщину и раненого Скарлета, понадобилось потерять четырех человек и мою лучшую лошадь!

Гай обвел гневным взглядом ратников, которые поспешно опускали глаза, едва лишь встретившись с мрачными глазами своего господина, и негромко добавил:

– Славное у меня войско! Нечего сказать!

– Ведьма!

Хьюберт стремительно подошел к Марианне, схватил ее за ворот куртки и замахнулся.

– Не смей! – сквозь зубы приказал ему Вилл, и одновременно с его возгласом Гай перехватил руку Хьюберта со словами:

– Как ты смеешь, простолюдин, поднимать руку на знатную леди?

Хьюберт крепко стиснул губы и, не выдержав его пронзительного взгляда, покорно склонил голову и, выпустив Марианну, отступил на шаг назад. Гай между тем обстоятельно и неторопливо рассматривал Вилла.

– Прими мое искреннее восхищение! – наконец сказал он. – За несколько минут расправиться с четырьмя, да еще будучи раненым! Верить ли, Вилл, я всегда жалел, что ты служишь своему брату, а не мне.

Вилл повел глазами в сторону Хьюберта и, усмехнувшись, ответил:

– Тебе больше по сердцу слуги иного рода. Те, что отличаются подлостью, а не преданностью.

Посмотрев в глаза Вилла, где презрение смешалось с ненавистью, Хьюберт пожал плечами:

– Сердись на себя самого, Вилл. Тебя сюда никто не звал. Сэру Гаю была нужна только она! – и он указал подбородком на Марианну.

– Что же ты наделал, паршивый щенок? – усмехнулся Вилл. – Ты сам понимаешь, что только что подписал себе приговор?

– И кто его приведет в исполнение? – рассмеялся Хьюберт. – Твой брат? Я не боюсь его!

– Боишься! – улыбнулся Вилл. – Еще как боишься!

Хьюберт молча смотрел на него и покусывал губы, впервые не найдя слов для ответа. Его охватил внезапный страх, когда он представил лорда Шервуда – уже знающего о том, что произошло, и неумолимо, подобно матерому волку, идущему по его, Хьюберта, следу. С трудом заставив себя оторвать взгляд от Вилла, Хьюберт тут же попал под прицел жестко прищуренных глаз Марианны.

– Тебе никто не говорил, что нет греха тяжелее предательства? – осведомилась Марианна, разглядывая Хьюберта с откровенной брезгливостью.

– Тебе, моя госпожа, сегодня представится возможность доказать свою преданность вольному Шервуду! – оскалился он в ответ.

– На этом обмен любезностями будем считать законченным, – холодно сказал Гай и обернулся к командиру своей дружины. Тот все это время стоял поодаль, наблюдая за происходящим с каменно-неподвижным лицом. – Джеффри, подведи к лорду Уильяму Рочестеру его коня. Леди Марианну я повезу сам.

– Может быть, следует оставить засаду, милорд? – осторожно спросил Хьюберт, бросив опасливый взгляд на Джеффри, хранившего молчание, как и все остальные ратники.

– Нет нужды, – ответил Гай. – Если он не угодил в ту, что была приготовлена для него, то теперь сам придет ко мне.

Джеффри подвел к Виллу его коня, и Вилл негромко и коротко свистнул. Эмбер подломил под себя ноги и лег брюхом на снег. Вилл сел в седло, и жеребец, скользя копытами по мокрой земле, поднялся. Гай вскочил на подведенную к нему лошадь и, подхватив Марианну, посадил ее перед собой. Руки Гая сковали ее так, что она едва могла дышать. Она вспомнила, как еще год назад он спешил исполнить любое ее желание, и невольно тряхнула головой, отгоняя наваждение. «Ты и не узнаешь его – так он переменится!» – вспомнилось ей предупреждение отца Тука.

– Да, принцесса, – услышала она над ухом холодный и равнодушный голос. – Все мы изменились – и ты, и я.

У арки городских ворот ратники перестроились так, чтобы Гай, который до города ехал во главе отряда, оказался вместе с Виллом внутри конного строя, в ограждении щитов и копий. Два ратника поехали впереди, расчищая путь и колотя древками копий зазевавшихся горожан. На полном скаку всадники въехали в просторный двор Ноттингемского замка и стали спешиваться. Гай небрежно бросил поводья подбежавшему к нему слуге и, спрыгнув с коня, снял с седла Марианну. Потеряв равновесие из-за связанных рук, она пошатнулась, но Вилл успел поддержать ее и не дал упасть, подставив свое плечо.

– Перестало укачивать и тошнить в седле? – спросил он.

Она оглянулась и встретилась с ним взглядом. В глазах Вилла не мелькнуло и тени иронии: они были мрачнее ночи, и Вилл, казалось, едва видел Марианну.

– Где сэр Рейнолд? – осведомился Гай у пажа.

– Милорд шериф занят беседой с лордом епископом.

– Иди к ним и скажи, что я прошу их спуститься вниз, в подземелье, – приказал Гай, стягивая с рук перчатки.

Он быстро пошел по длинной галерее, на ходу сбросив плащ на руки слуг. Четыре ратника повели следом за ним Вилла и Марианну. Они спустились по крутой лестнице в темный коридор, освещенный несколькими факелами, потом еще по одной лестнице и оказались в большой зале с низкими сводами и маленькими забранными решетками окнами под самым потолком. Свет, проникавший из окон, был скуден, и Гай распорядился зажечь свечи и принести факелы. Вынув из-за пояса нож, он разрезал веревки на запястьях Марианны и указал ей на стул. Она медленно села, растирая онемевшие руки. Остановившись перед Виллом, Гай долго смотрел на него, что-то обдумывая.

– Ты решил, что твой взгляд обладает волшебной силой? – с усмешкой спросил Вилл.

– Нет, конечно, – отозвался Гай, – я размышляю, каким образом твое неожиданное присутствие здесь меняет мои планы. Ты ведь сегодня оказался незванным гостем. Я был уверен, что ты будешь сопровождать брата, а он, выходя, оставил тебя из-за раны. Всегда-то я упускаю из виду вмешательство случая!

По лестнице торопливо спустился Джеффри и что-то сказал Гаю на ухо. Тот с досадой поморщился и вздохнул:

– Вот как! Но я не очень-то и надеялся. У него чутье на опасность, как у волка, – полностью оправдывает свое прозвище!

– Что, план поимки Робина не удался? – рассмеялся Вилл.

– Удался, Вилл, удался! – почти дружелюбно рассмеялся в ответ Гай, но его темные глаза зло сверкнули, и он тут же отплатил Виллу за ироничный смех, сокрушенно покачав головой: – Как же ты подвел своего брата! Хотел бы я понять, почему. Ну, может быть, еще получится! – Придя наконец к какому-то решению, Гай оживился и добродушно сказал: – Я и вправду рад тебя видеть, Вилл! Располагайся удобнее.

Он сказал несколько слов ратникам, и те, разрезав веревки на руках Вилла, подтащили его к креслу, стоявшему поодаль, и, усадив, прикрутили его руки к подлокотникам. Гай, наблюдая за выполнением своего приказа, довольно кивнул и, уже отвернувшись от Вилла, небрежно бросил ему:

– Кстати, Вилл, если наш разговор тебя вдруг заинтересует, ты можешь вступить в него без всякого стеснения!

Вилл бросил на него быстрый взгляд и посмотрел на Марианну.

Она сидела с ровной спиной, не прикасаясь ею к высокой спинке стула, сложив руки на коленях, расправив плечи и подняв голову, глядя перед собой спокойным бесстрастным взглядом. Когда наверху скрипнула дверь – пришли шериф и епископ, она не вздрогнула, не пошевелилась, не оглянулась.

Заметив Марианну, шериф и епископ переглянулись. Окинув взглядом залу и не увидев лорда Шервуда, сэр Рейнолд удивленно спросил:

– Гай, а где же наш гость, ради которого ты просил спуститься сюда меня и святого отца?

– Запаздывает, – ответил Гай и движением подбородка указал на Марианну, – зато я привез гостью. Предложите ей оказать нам всем любезность и пригласить сюда, наконец, того, кого мы ждем с таким нетерпением!

Марианна повела глазами в сторону Гая, и он, поймав ее взгляд, улыбнулся ей и едва заметно склонил голову в поклоне. Спустившись по лестнице, сэр Рейнолд немного постоял,

ожидая, что Марианна обернется, но так и не дождался ее внимания. Тогда шериф со вздохом сам подошел к ней и опустился в кресло, придвинутое к столу, напротив Марианны. В такое же кресло по левую руку сэра Рейнолда сел епископ. Гай остался стоять за спиной Марианны, не спуская с нее внимательных глаз.

– Вот мы и встретились, леди Марианна! – наконец сказал шериф, не выдержав тягостного молчания, посмотрел на пленницу и грустно усмехнулся: – Ты по-прежнему красавица, каких мало! Помню, я часто говорил твоему отцу, что будь у меня сын, я бы не задумываясь молил Гилберта о твоей руке для него! Ты еще в детстве обещала стать дивно хороша, как и твоя мать леди Рианнон, но ты выросла даже краше нее. Твой отец очень любил тебя и гордился тобой!

– К чему эти пустые разговоры? – резко спросила Марианна, оборвав поток воспоминаний сэра Рейнолда.

– А ты торопишься перейти к делу, – усмехнулся епископ и согласно склонил голову. – Что ж, изволь! Но прежде ответь на один вопрос: был бы твой отец доволен тобой, узнав, что ты живешь среди разбойников, от которых стонут все Средние земли?

Марианна посмотрела на епископа, и тот заметил в ее глазах легкую снисходительную усмешку. Взяв себя в руки и не дав воли злости, епископ сказал назидательным тоном:

– Молчишь? И правильно! Тебе нечего ответить. Душа твоего отца сейчас стонет от ужаса, глядя с небес на недостойную дочь, которая отдала себя его убийце!

– Не оскверняйте свои уста ложью, милорд, – ответила Марианна. – Мой супруг не причастен к гибели моего отца. А вам, сэр Рейнолд, следовало бы поискать его убийц в Ноттингеме или в Лондоне, раз уж вы так дорожили дружбой с ним.

Епископ понял ее прозрачный намек на Роджера Лончема и с большим трудом удержался от резкого ответа. Сокрушенно покачав головой, он посмотрел на Марианну с укоризной и ласково сказал:

– Дочь моя, не будем спорить и ссориться! В любом случае твой отец не был бы сейчас доволен ни тобой, ни нами – друзьями, которые не позаботились о дочери покойного друга. Мой долг – не только друга твоего отца, но и духовного пастыря – подать тебе руку и поддержать на пути возвращения к добродетели. Я сегодня же напишу настоятельнице монастыря, в котором ты воспитывалась, и она с несомненной радостью примет тебя под свой кров. Там ты в благочестивых трудах и молитвах вернешь былое достоинство, забудешь отчаяние, в которое тебя ввергла гибель отца, и снова обретешь мир в душе.

– В чем причина столь трогательной заботы, лорд Гесберт? – спросила Марианна, с прежней усмешкой глядя на епископа.

– Как я и сказал – в долге перед твоим отцом. И в любви к тебе, дочь моя.

– Язычница, варящая из трав колдовские зелья, – задумчиво произнесла Марианна, не сводя глаз с епископа. – Если меня не подводит память, такими словами, святой отец, вы выражали свою любовь ко мне?

Епископ откинулся на спинку кресла, сжал холеные пальцы в кулаки и шумно выдохнул.

– Ты такая и есть, – сказал он, не спуская с Марианны недобрых глаз, и отбросил всю напускную мягкость, – и ничуть не изменилась к лучшему. Я вижу, что тебе нравится дерзить лорду шерифу и мне? Позволь напомнить тебе о твоем положении, которому дерзость пользы не принесет, – и он выразительно указал глазами на ее располневший стан.

– Что вы хотите от меня получить взамен убежища в монастыре, о котором я вас не просила?

– Знак, условный знак, который поможет выманить Шервудского Волка из его логова. И ничего больше. Не так уж и много за жизнь и почти свободу? – так же прямо ответил епископ на ее прямой вопрос.

Марианна глубоко вздохнула, посмотрела поверх голов епископа и шерифа куда-то вдаль, и каменные стены словно растаяли перед ее ясным взором. Тихо рассмеявшись, она снова опустила глаза на епископа и сказала:

– Совсем немного! Вы просите у меня такой пустяк – предать супруга и господина!

Епископ сверкнул глазами и воскликнул, уже не скрывая одолевавшей его злобы:

– Надо еще доказать, что он твой муж! Я запретил всем священникам моей епархии совершать над вами обряд венчания!

– Тем не менее он был совершен, поскольку этот запрет отменил ваш двоюродный брат епископ Илийский. Как у папского легата у него были все полномочия сделать это, – ответила Марианна, оставшись равнодушной к гневу епископа. Заметив Хьюберта, который пришел в подземелье уже в одежде с гербом Гая Гисборна, она кивнула головой в его сторону: – А вот и свидетель, который присутствовал на венчании. Можете расспросить его, все правила были соблюдены или нет.

– Хорошо, пусть так! – сдаваясь, процедил епископ. – Это не меняет дела. Я уверен, что твой супруг, – он подчеркнуто выделил голосом это слово, – чья предусмотрительность и осторожность нам хорошо известны, не мог не условиться с тобой заранее о знаке, который ты должна послать ему, случись тебе попасть в беду. Я прошу и требую, чтобы ты сейчас назвала нам этот знак или передала его нам, если он при тебе.

– Вы случайно не исповедуете ли меня, святой отец? – живо поинтересовалась Марианна с неувловимой улыбкой, задрожавшей в уголках ее рта.

Услышав эти слова, Гай схватил Марианну за волосы и запрокинул ее голову так, чтобы заглянуть ей в глаза и заставить ее саму посмотреть на него.

– О какие знакомые присказки! – тихо рассмеялся он, прищурившись и не сводя с Марианны темных глаз. – Ты не только слова – ты даже интонации переняла у Шервудского Волка! Я отвечу тебе: ты не на исповеди. Ты на суде, и не принимай терпение и милосердие своих судей за глупость.

Помедлив, он выпустил ее волосы, и она, тряхнув головой, снова выпрямилась, как стальной клинок.

– Если я на суде, то вправе узнать, в чем меня обвиняют, – хладнокровно сказала она.

– Ну, дочь моя! – желчно рассмеялся епископ, разводя руками. – Выбирай, что тебе больше по вкусу. Ты объявлена вне закона наравне с твоим супругом. Светский суд в лице сэра Рейнолда обвиняет тебя в разбое, которым ты занималась все лето. Церковное правосудие, которое творю я, предъявляет тебе обвинение в колдовстве и отступничестве от веры. Свидетель твоего венчания, – и епископ, как и она, тоже указал подбородком на Хьюберта, – станет свидетелем всех предъявленных тебе обвинений. Он неоднократно видел тебя с оружием в руках, когда вы нападали на сборщиков податей. И он очень красочно описал, как ты с помощью языческих богов и магии вернула к жизни Шервудского Волка, когда он почти умер. Ну а про твои занятия лекарским делом и травами я даже не говорю.

– Мои лекарства и мое умение несли людям исцеление от болезней и ран, – ответила Марианна. – Вам не удастся очернить меня в глазах тех, кому я помогла своими знаниями.

– Пусть так, и для них твое имя останется незапятнанным, а тебе-то какой от этого прок? – цинично усмехнулся епископ. – Они ведь не бросятся выручать тебя из костра, на который я тебя отправлю с огромным удовольствием!

Сэр Рейнолд осторожно напомнил:

– Леди Марианна в тягости.

– Да, и в подобных случаях казнь откладывают до родов, – снисходительно подтвердил епископ, но тут же жестко сказал, не сводя с Марианны беспощадных глаз: – Но для нашей пленницы я допущу исключение и возьму грех на душу, отправив ее на костер с ребенком во чреве. Ты никогда не видела, как сжигают ведьм? Впрочем, что я спрашиваю! Ты же всегда

избегала подобных зрелищ, а напрасно! Тогда ты бы знала, как кричат, задыхаясь от дыма, эти несчастные женщины. И ты будешь задыхаться, упрямец, если не согласишься сделать то, что тебе велят. Твои прекрасные локоны охватит пламя, нежная кожа лопнет, почернеет и обуглится. Но палач постарается сделать так, чтобы ты оставалась живой как можно дольше. И ты станешь страдать от неопишуемой боли, кричать на всю площадь, где разложат твой костер. Тебе по сердцу такая участь?

Марианна огромным усилием воли сохранила спокойное выражение лица: слишком образно и живо перед ее глазами предстала страшная картина, которую так небрежно набросал епископ. А тот, неотрывно наблюдая за Марианной, понял, что угрозы достигли цели, и теперь ждал ее ответа.

Глядя на епископа безмятежными глазами, Марианна напряженно искала выход из создавшегося положения. Почувствовав волнение и тревогу матери, ребенок снова заворочался у нее под сердцем. Всеми силами души она хотела спасти его – уже живого, но еще не рожденного сына. Условного знака не существовало – она знала отношение Робина к подобным вещам. Он небезосновательно считал, что любой знак может попасть в чужие руки и превратиться в оружие. Да у нее при себе ничего и не было, кроме обручального кольца с гербом Рочестеров. Даже подвеску с аквамашином – подаренный Робин оберег – она оставила дома, о чем не раз пожалела. Оберег предупредил бы ее об опасности еще по дороге в собор, и они повернули бы обратно. Если бы Хьюберт попытался им помешать, Вилл справился бы с ним за считанные секунды – она не сомневалась в этом. И сейчас здесь не было бы ни Вилла, ни ее самой!

Нет смысла сожалеть о том, что уже случилось. Можно отдать им кольцо, выдав его за условный знак. Но насколько она может быть уверена, что, получив это кольцо, Робин вспомнит, как они разговаривали о бесполезности условных знаков, и не попадет в ловушку? Он вспомнит – ведь он никогда и ничего не забывает. Он поймет, что посланец с кольцом подослан, и сумеет обратить ситуацию в свою пользу. «Ты умен, смел, ты все поймешь правильно и спасешь нас! – подумала она, мысленно воззвав к Робину. – Мне надо лишь уверить их в собственной лжи, чтобы они не усомнились ни в чем!»

Она медленно опустила глаза на левую руку, где на пальце поблескивало золотом обручальное кольцо. Почувствовав, что победа совсем близка, епископ выразил взглядом удовлетворение, шериф – облегчение. Вилл безмолвно наблюдал за ней, как и Гай. Марианна уже хотела снять кольцо и отдать его, как услышала над головой насмешливый голос:

– Меня всегда восхищало твое умение владеть собой, принцесса! Вижу, ты все-таки последовала моему совету и научилась лукавить. Поздравляю, ты даже меня почти уверила в том, что готова предоставить так горячо любимого тобой супруга его собственной судьбе!

Марианна обернулась и встретила с Гаем взглядом. Склонив голову, он смотрел на нее так, словно видел насквозь все ее ухищрения. Гай рассмеялся Марианне в лицо и покачал головой.

– Нет, принцесса! Условные знаки – кольца, ленты, цепочки – все это забавы для детей. Граф Хантингтон слишком умен, чтобы поверить рассказам моего посыльного при виде какой-то твоей безделушки, пусть даже известной ему. Ты напишешь ему письмо. Напишешь слово в слово так, как я тебе продиктую. И когда ты закончишь его писать, я сам прослежу, чтобы ни один волос не упал с твоей головы.

С обреченным спокойствием она поняла, что надеждам на спасение сбыться не суждено. Марианна слегка улыбнулась при мысли о том, что такой хитроумный Гай Гисборн не знает самого простого: ему нет необходимости заставлять ее собственноручно писать это послание. Достаточно сказать всего несколько слов, и Гай оставит ее в покое. Но открыть ему правду значило самой вложить в его руки оружие против Робина. Отвернувшись от Гая, Марианна произнесла:

– Я не стану писать никаких писем.

Глядя на нее, застывшую в непреклонной решимости, Гай усмехнулся почти с грустью:

– Вот так и обнаружилась правда. Ты собиралась всех обмануть. Не слишком-то достойно тебя, принцесса!

Он глубоко вздохнул, вышел из-за спинки ее стула и встал перед ней. Неожиданно и грубо ухватив пальцами ее подбородок, он сказал, глядя ей в глаза:

– Прежде чем с такой гордостью и дерзостью отказывать, посмотри по сторонам вокруг себя! Ну! Ты видишь этот горн? В нем накаляют железо для таких упрямых, как ты. Вот эти плети – смотри, у них на концах острые железные крючья! – за четверть часа превратят твою спину в кровавые лохмотья. А вот дыба, Марианна. Хочешь скинуть ребенка прямо на ней? Достаточно или мне продолжить?

Она невольно следовала взглядом туда, куда указывал Гай, силой заставляя ее поворачивать голову. Убедившись, что Марианна хорошенько рассмотрела орудия пыток, он замолчал, вопросительно глядя на нее.

– Я не боюсь, – тихо ответила Марианна.

– Неужели не боишься? – безжалостно рассмеялся Гай. – А почему у тебя вдруг задрожали губы, позволь узнать? Не боишься в надежде, что твоя благородная кровь послужит тебе защитой? Нет, принцесса! Вы в Шервуде сами твердите о том, что вольный лес всех уравнивает. Вот и познай на себе ваш собственный девиз! Сэр Рейнолд уже разрешил применить к тебе пытки, если ты по доброй воле не сделаешь то, о чем я тебя просил.

Он выразительно посмотрел на шерифа, который слушал Гая, округлив от удивления глаза. Удивление сменилось ужасом, но, не в силах выдержать требовательный взгляд Гая, сэр Рейнолд покорно склонил голову и сказал:

– Да, леди Марианна, так и есть. Я разрешил.

Гай снова посмотрел на Марианну и красноречиво поднял брови:

– Ты слышала? Разрешил. И теперь только ты сама можешь избавить себя от пыток.

Марианна поморщилась, отвела его руку от своего подбородка и сказала:

– Ты волен стать моим палачом, раз уж не смог остаться другом.

Лицо Гая исказила жестокая гримаса. Он вскинул руку, чувствуя неудержимое желание ударить ее, но сдержался и с немилосердной улыбкой ответил:

– Нет, принцесса. Тебе придется иметь дело не со мной, а с Роджером Лончемом, и ты знаешь, что ждать от него пощады не придется. Когда-то Марианна Невилл постаралась сделать все, чтобы вызвать в нем ненависть, и она продолжает жить в его сердце!

Марианна усмехнулась и, глядя в темные глаза Гая, безразлично пожала плечами:

– Я – Марианна Рочестер, и мне нет дела до страстей Роджера Лончема.

Гай побледнел от ярости, услышав ее ответ.

– Вот как? – процедил он. – И, как все в этом волчьем роду, ты не понимаешь разумных доводов. Но если ты сама готова умереть здесь во имя своего супруга, то вспомни, наконец, что ты ждешь дитя, и ради него прояви благоразумие!

Марианна вздрогнула, словно он все-таки ударил ее, но ничего не сказала, крепко сжав губы. Сэр Рейнолд, отчаянно желая уговорить Марианну, подал голос:

– Девочка, пойми, мы так долго беседуем с тобой только потому, что помним и любим тебя как дочь славного рода Невиллов! Если ты продолжишь настаивать на имени Рочестеров, разговор с тобой, женой лорда Шервуда, будет другим. В нем не сможет прозвучать ни одного слова милосердия и снисхождения к тебе!

– Да, сэр Рейнолд, я знаю, что имя Рочестеров заставляет вас вспомнить о собственном вероломстве и навете, которым вы очернили перед королем графа Альрика, добившись молчаливого согласия на расправу с ним. Вы очень боитесь того дня, когда его сын вернет себе то, что принадлежит ему по праву и чем сейчас незаконно владеете вы! – кивнула Марианна.

Шериф потемнел. Епископ, глубоко вздохнув, поднялся и негромко сказал, глядя поверх головы Марианны и намеренно больше не замечая ее:

– Я полагаю, достаточно. Мы и так много времени потратили зря, пытаюсь втолковать этой строптивой девчонке, что ее ждет. Сэр Рейнолд, я принял решение, теперь слово за вами.

Шериф оперся ладонями о стол и тяжело поднялся.

– Воля твоя! – сказал он, окинув Марианну горьким взглядом. – Я готов побиться об заклад, что через пять минут после того, как сюда спустится сэр Роджер, ты раскаешься в своем упорстве. Но я уже ничем не смогу помочь тебе!

– Уходите, – отворачиваясь от него, ответила Марианна. – Я презирала бы себя, приняв вашу помощь.

Взгляд шерифа выразил полную безнадежность, и, обернувшись к Гаю, сэр Рейнолд сказал:

– Милорд, леди Марианна Рочестер полностью в вашей власти.

Епископ тронул шерифа за рукав и указал глазами на лестницу, ведущую к двери. Проводив их взглядом, Гай подошел к Марианне, опустился перед ней на одно колено и посмотрел ей в лицо. Вскинув руку, он едва ли не нежно отвел с ее щеки светлую прядь.

– Образумься, прошу тебя! – тихим вздохом слетело с его губ. – Я не хочу твоей гибели, но мне нужен Робин! И если для того, чтобы он оказался в моих руках, потребуется твоя смерть, то ты умрешь, Марианна.

– Гай, – так же тихо отозвалась она, глядя в его почти умоляющие глаза, – ты когда-то называл себя моим другом.

Его глаза сузились, как у озлобленного пса, и от прежней затаенной мольбы в них не осталось и следа. Вскочив на ноги и выпрямившись во весь рост, он сложил руки на груди и отрывисто спросил:

– Хочешь снова упрекнуть меня? Или взываешь к моей памяти, желая вернуть то, что прошло?

– Ни то и ни другое, – спокойно ответила Марианна. – Я спрашиваю твою совесть, которая у тебя, наверное, есть. Как к тебе попало письмо моего брата?

Гай долго молчал, не в силах оторвать взгляд от ее ясных серебристых глаз, и чувствовал, как они снова завладевают его душой. Он дернул головой, пытаясь освободиться от ее чар, и сказал:

– Месяц назад я перехватил гонца твоего брата с этим письмом. Он добрался до Лондона в поисках тебя, не поверив, что ты вне закона и скрываешься в Шервуде.

– Зачем тебе понадобилось его перехватывать?

Гай недолго подумал и передернул плечами:

– Сам не знаю. Наверное, упоминание твоего имени на меня так подействовало. А вчера я узнал, что Робин все-таки женился на тебе, и понял, как я могу использовать это письмо с выгодой для себя. – Он посмотрел на нее, ожидая новых вопросов, но она молчала, и тогда он спросил ее сам: – Это все, что ты хотела бы знать?

– Да. Остальное я знаю и без твоих слов.

– Интересно, что же ты знаешь? – усмехнулся Гай, потирая подбородок.

– То, что твой шпион, – и Марианна небрежно кивнула в сторону Хьюберта, – подслушал нас с Робинсом и обо всем тебе рассказал. А ты, в свою очередь, обо всем известил Роджера Лончема. То, что ты надумал Лончема нарядить людей, посланных убить моего отца, в одежду зеленого цвета, чтобы оклеветать Робина, обвинив его в том, что это он отдал приказ. То, что ты желал мне бесчестия, но не смерти. И не ради меня, а ради того, чтобы Робин увидел своими глазами, что со мной сделали. Увидел после того, как ты рассказал ему обо всем, насытившись своей мстостью ему и мне.

– О, как он слушал, молчал и страдал! – улыбнулся Гай и посмотрел на Марианну. – В какой-то момент, когда я рассказал ему главное о тебе и перешел к подробностям, его взгляд стал таким, будто он вот-вот бросится на меня и задушит голыми руками! Но нет. Ведь он еще не узнал от меня, где ты, и совладал с собой. Ты его заботила куда больше, чем наша с ним вражда и боль, которую ему причинил мой рассказ. А тебе по-прежнему не откажешь в остром уме, принцесса! Но есть кое-что, ускользнувшее сейчас от твоего понимания.

– И что же это? – спросила она, внимательно глядя на него.

Продолжая улыбаться, он сделал несколько шагов по зале, обернулся к Марианне и сказал:

– Из любви и преданности ему ты отказываешься написать письмо и даже готова к допросу под пытками, рискуя не только своей жизнью, но прежде всего ребенком, которого носишь. Но ты не понимаешь, что все твои страдания будут напрасными. Представь, что глашатаи шерифа скоро помчатся во все концы Ноттингемшира с вестью о том, что ты заключена в темницу и осуждена на смерть. Но если Робин до определенного мной часа добровольно предаст себя в руки правосудия, то тебя освободят, а приговор, вынесенный тебе, епископ отменит. Представила?

И он посмотрел в ее широко раскрывшиеся глаза, замершие серебряными зеркальцами.

– Представила, – с удовлетворением сказал Гай. – А теперь сама ответь, как поступит твой супруг?

Марианна молчала, чувствуя, как колотится сердце, и задыхалась от его стремительного биения.

– Молчишь, но знаешь: он придет. Даже если бы он не любил тебя, – а он тебя любит, и очень сильно! – то одно лишь его благородство не позволило бы ему допустить казнь жены, да еще беременной, если ее можно спасти, обменяв на свою жизнь. Поэтому перестань упрямитесь и напиши письмо, чтобы спасти хотя бы себя и ребенка! Робина тебе все равно не удастся избавить от встречи со мной и последующей казни. Дай ему достойно умереть с сознанием того, что он спас тебя, что ты останешься жива, на свободе и в положенный срок произведешь на свет его сына или дочь.

Марианна молча смотрела на него, облизывая пересохшие губы. Заметив, что он выразительно смотрит на ее правую руку, она убрала обе руки за спину.

– Продолжаешь упорствовать! – хмыкнул Гай и дружелюбно улыбнулся. – А может быть, все не так страшно? Ты ведь не знаешь, какие слова я тебе продиктую. Выслушай хотя бы! Вдруг окажется, что ты переоценила мою изобретательность, и письмо будет вовсе не столь опасным для Робина, как ты представляешь!

– Нет, я не стану не только писать, но и слушать тебя, – ответила Марианна, помотав головой так, что выпавшие из косы волосы взметнулись светлым вихрем. – С дьяволом не вступают в сделку, даже ее условия обсуждать нельзя!

– С дьяволом! – насмешливо повторил Гай. – Надо же, какого высокого мнения ты обо мне! Ну, как знаешь. Я сделаю так, как тебе рассказал, а ты поступай как хочешь. Разочаруй его, когда он придет и увидит тебя умирающей. Сначала ты послушалась его: он ведь запретил тебе покидать лес? Потом погубила его ребенка, вынудила его самого добровольно пойти на смерть. Славная жена, нечего сказать! Могу лишь посочувствовать Рочестеру!

Каждое его слово без промаха било в цель – ее сердце. Она закусила до боли губы и неожиданно столкнулась взглядом с Виллом. Все это время он безмолвно наблюдал за тем, что происходило. Но сейчас, увидев в ее глазах отчаянную решимость, Вилл негромко, но отчетливо сказал:

– Гай, оставь ее в покое.

– Наконец-то! – выдохнул Гай и улыбнулся. – Я уже отчаялся услышать твой голос!

Марианна содрогнулась при виде этой торжествующей улыбки, которую Вилл видеть не мог, потому что Гай стоял к нему спиной.

– Итак, Вилл, ты что-то сказал? – вкрадчиво спросил Гай, отвернувшись от Марианны и словно начисто забыв о ней. – Что-то насчет леди Марианны?

Он подошел к Виллу и остановился в двух шагах от него. Они посмотрели друг другу в глаза, Вилл отвел взгляд и глухо сказал:

– Не трогай ее.

– Ты просишь меня пощадить Марианну, – жестко сощурив глаза, Гай так же жестко спросил: – А что ты готов предложить мне взамен?

Вилл молча пожал плечами, предлагая ему самому назначить цену. Гай присел на подлокотник огромного кресла из резного дуба и, положив подбородок на ладонь, долго изучал Вилла пристальным взглядом.

– Ты ведь знаешь много, Вилл, очень много! – задумчиво сказал он и, приняв решение, ударил ладонью себя по колену: – Я хочу Шервуд, Вилл. Весь! Если я дам тебе сейчас карту Шервуда, ты укажешь на ней расположение ваших дозорных постов?

Вилл долго смотрел в его выжидающие глаза и медленно, с трудом выталкивая из горла каждое слово, ответил:

– Сначала отпусти ее.

Он указал глазами на Марианну. Гай тоже оглянулся на нее, тяжело вздохнул и сказал:

– Давай договоримся так: я пощажу ее, но не отпущу. Ведь она сразу бросится в Шервуд, и какой смысл в моих переговорах с тобой, если она успеет предупредить Робина?

– А какой смысл мне верить тебе, если ты не однажды нарушал данное тобой обещание? – с угрюмой усмешкой возразил Вилл.

Гай рассмеялся и развел руками.

– У тебя нет выбора! – сказал он сочувственным тоном. – Но сегодня ты можешь довериться моему слову. Я вовсе не жажду ее смерти. Мы пришли к соглашению?

Он вопросительно посмотрел на Вилла, лицо которого исказилось в мучительной судороге. Усилием воли справившись с собой, Вилл глухо сказал:

– Да.

По-прежнему не сводя с него настороженного взгляда, Гай медленно поднял руку, и, повинувшись властному жесту, два ратника поспешили к нему.

– Принесите карту окрестностей леса, перо и чернильницу, пододвиньте к креслу вон тот стол, расстелите на нем карту и освободите нашему гостю правую руку, – приказал он.

Ратники в точности сделали все, что им было велено, и Вилл тряхнул рукой, чтобы оживить онемевшие пальцы. Взяв перо, он обмакнул его в чернила и занес над картой.

– Вилл, опомнись! – закричала Марианна, бросаясь к нему.

Джеффри вежливо, но твердо перехватил ее и заставил вернуться на прежнее место.

– Что ты делаешь?! Вилл!

Вилл повел в ее сторону потемневшими до цвета густой смолы глазами, ничего не ответил и, склонившись над картой, стал быстро, не задумываясь ни на секунду, наносить значки на вычерченную окружность леса. Закончив, он внимательно посмотрел на свою работу, бросил перо на стол и, откинувшись на спинку кресла, в изнеможении закрыл глаза.

– Что ты наделал! – прошептала Марианна, не сводя с него глаз, и бессильно закрыла лицо ладонями.

Гай взял в руки карту, изучил пометки, сделанные Виллом, и поманил к себе Хьюберта.

– Что скажешь? – спросил он, когда Хьюберт торопливо подошел к нему и встал рядом.

Искоса бросая недоверчивые и ошеломленные взгляды на Вилла, Хьюберт долго изучал карту и неуверенно пожал плечами.

– Милорд, мне известен только этот пост. Он указан верно. Но где расположены остальные, я не знаю.

– За то время, что ты провел в Шервуде, мог бы узнать и больше! – в сердцах ответил Гай, метнув на Хьюберта недовольный взгляд.

– Вы правы, милорд, но в сентябре были изменены места всех дозоров, – поспешил оправдаться Хьюберт. – Каждого из нас стали посылать только на один и тот же пост. Выведывать о местонахождении других постов было слишком опасно. Меня сразу бы заподозрили, начни я расспрашивать.

– Ни на что ты не годишься! – пренебрежительно рассмеялся Гай. – Ты даже стрелять из лука не научился с должным совершенством, хотя мог бы! Недаром же ты был под началом лучшего лучника королевства! Будь ты более усерден, Шервудский Волк давно бы уже гнил в могиле.

Обернувшись к Виллу, Гай рукоятью ножа вскинул его подбородок. Вилл медленно открыл глаза и посмотрел на Гая.

– Ты пойдешь со мной в Шервуд по этой карте? – требовательно спросил он, глядя в мрачные глаза Вилла, но не видя в них ничего, кроме отраженного света факелов. – Так пойдешь или нет? В доспехах с моим гербом?

– Ты сам сказал, что у меня нет выбора, – помедлив, обреченным тоном ответил Вилл.

– Правильно! – похвалил Гай, опуская нож, но не отводя от Вилла внимательного взгляда. – И не думай, будто я не догадываюсь, что ты хочешь встретить в Шервуде собственную смерть, чтобы искупить вину перед братом и остальными стрелками!

Резкий голос Гая повис в воздухе. Вилл ничего не сказал в ответ, лишь опустил усталые глаза.

– Так вот, предупреждаю сразу, что все твои надежды напрасны, – беспощадно продолжал Гай. – Ты не получишь оружия, будешь ждать в арьергарде под надежной охраной. Потом останешься у меня на службе. Такой воин, как ты, делает честь любому войску.

– А ты не боишься, что потом я убью тебя? – с усмешкой спросил Вилл.

– Ты что, Вилл, забыл о собственном сыне? – рассмеялся Гай. – Я отыщу в Шервуде твоего мальчишку, и его жизнь послужит отличным залогом моей безопасности все годы твоей службы мне до самой твоей смерти!

– А что будет с ней? – спросил Вилл, указав кивком на Марианну.

– Она побудет моей пленницей, пока не разрешится от бремени, после чего отошлю ее в Уэльс к родне, и пусть там доживает свой век. Если родится девочка, то вместе с ребенком. А если мальчик... – Гай посмотрел Марианне в глаза и усмехнулся, – Сына Робина я оставлю у себя и воспитаю сам. Так, чтобы он не уступал в воинском умении своему отцу, но при этом был моим самым преданным слугой. Чтобы само мое имя было для него святыней! Мы окончательно договорились?

Его последние слова относились к Виллу, и тот, помедлив, кивнул.

– Тогда поклянись на распятии! – потребовал Гай.

Один из ратников снял со стены черный крест и поднес его к Виллу. Положив руку поверх распятия, Вилл негромко ответил:

– Клянусь.

– Прекрасно! – вздохнул Гай и, утратив интерес к Виллу, вновь принялся изучать карту.

Марианна неотрывно смотрела на Вилла. В ее разуме никак не укладывалось понимание, что Вилл, который был беззаветно предан Робину и люто ненавидел Гая Гисборна, только что предал брата и пошел на сделку со смертельным врагом. Из ее груди вырвался глубокий вздох. Она с трудом отвела глаза от неподвижного лица Вилла и случайно столкнулась взглядом с Гаем, уже довольно долго внимательно смотревшим поверх карты на Марианну.

– Вот-вот, принцесса! – тихо сказал Гай, не сводя с Марианны пристальных глаз. – И я думаю в точности так же, как ты.

Он решительно скатал карту в свиток, и по его безмолвному жесту ратник снова привязал правую руку Вилла к подлокотнику кресла. Вилл не сопротивлялся, только открыл глаза и, посмотрев на Гая, вопросительно изогнул бровь.

– А теперь давай рассуждать здраво, – сказал Гай, устремившись пронзительным взглядом вглубь бесстрастных глаз Вилла.

Он придвинул к себе табурет и уселся напротив, постукивая по колену свернутой картой.

– Твоя преданность брату вошла в Средних землях в поговорку. Ты, старший сын графа Альрика, не стал бороться за свои права, беспрекословно уступив их Робину. Вечная тень младшего брата, всегда второй после Робина, ты никогда не желал для себя большего. Я помню, как бился над его телом в Локсли, думая, что он убит. Ты не хотел подпустить меня к мертвому, а теперь, значит, предаешь живого? – Гай язвительно расхохотался и, подавшись корпусом к Виллу, сказал ему в лицо: – Разрази меня гром, Вилл, ведь я чуть было тебе не поверил! Чтобы ты, уступив эту женщину брату, теперь пошел ради нее на предательство? Ты, даже не колебавшись, принял на душу грех клятвопреступления! Хочешь, я скажу тебе, что ты в действительности сделал?

Вилл молчал, откинув голову на спинку кресла, и смотрел на Гая.

– Ты, не задумываясь ни на минуту, мгновенно изменил всю систему ваших дозоров, указав правильно только один – тот, что известен Хьюберту. И тут ты ничем не рисковал: ты понимал, что твой брат сегодня же поменяет место этого поста. Ты решил заманить меня в западню, Вилл, и не отказался от своего намерения даже тогда, когда я сказал, что и ты отправишься со мной в Шервуд. Я бы приказал убить тебя, едва бы твой обман обнаружился, но как раз твоя собственная жизнь не волновала тебя ни капли!

– Это твои измышления, – спокойно прервал его Вилл. – Я выполнил свою часть сделки, теперь и ты выполни свою.

Заметив, с какой нескрываемой насмешкой смотрит на него Гай, Вилл потребовал уже с яростью в голосе:

– Я поклялся на распятии! Я продал тебе душу! Так чего тебе еще надо от меня? Расписку, сделанную кровью?

– О, я не дьявол, – заверил его Гай. – К сожалению, Марианна ошиблась, назвав меня так. К сожалению – потому что иначе я знал бы твои истинные намерения. Но то, что ты страстно хочешь спасти Марианну, я вижу теперь и без дьявольского всезнания.

– Если ты опасешься попасть в Шервуде в засаду, что помешает тебе отдать приказ о ее казни, окажись, что я тебя обманул?! – спросил Вилл, и в его охрипшем голосе прозвучало отчаяние.

– Ничто не помешает, – подтвердил Гай. – Мы с тобой оба это хорошо понимаем.

– Тогда зачем мне обманывать тебя?!

Глаза Гая хищно прищурились, он ненадолго задумался и почти шепотом ответил:

– Чтобы потянуть время, Вилл. Время, которое опять же не волнует тебя, но которое так необходимо твоему брату! А я не хочу и не дам ему времени на раздумья! Поэтому смотри.

Не колеблясь ни секунды, Гай поднес карту к факелу. Пергамент затрещал и ярко вспыхнул. Когда он догорел почти до пальцев Гая, тот бросил горящий свиток на пол и затоптал сапогом.

– Вот так, – сказал Гай, глядя Виллу в глаза. – Хочешь спасти ее? Тогда уговори написать под мою диктовку письмо.

Вилл посмотрел на Марианну, грустно усмехнулся и покачал головой:

– Ее никому не под силу уговорить. Лучше дай мне другую карту и проверь, с той же быстротой я отмечу на ней места постов и будут ли они отличаться от прежних. Ведь ты их уже запомнил!

Лицо Гая исказила мучительная судорога сомнения. Но какой заманчивой ни казалась затея схватить лорда Шервуда с помощью его же брата, Гай тем не менее отрицательно покачал головой:

– Нет, Вилл. Я слишком многим рискую, доверившись тебе. В том, что ты в точности повторишь свои отметки, у меня нет сомнений. Я даже уверен в том, что ты способен с ходу придумать еще несколько систем охранения Шервуда и все они будут достойными. Пусть граф Альрик и отказал тебе в наследстве, но воспитал и обучил он тебя не хуже Робина. Я поступлю иначе. Чтобы твой брат меньше раздумывал, я пообещаю в обмен на его сдачу сохранить жизнь и свободу не только Марианне, но и тебе.

– И выполнишь это обещание? – Вилл покривил губы в недоверчивой усмешке.

– Нет, – рассмеялся Гай. – Запас моих истинных обещаний на сегодня исчерпан. Зачем мне получать тебя вместо Робина? Я ведь не сэр Рейнолд и привык доводить дела до конца! Марианна, как и решил епископ, отправится на костер, а вы с братом – на эшафот.

Вилл выслушал его с глубоким равнодушием и даже подавил зевок.

– А! Ты думаешь умереть легко и просто? – с усмешкой спросил Гай. – Увы! Я давно переменил отношение к тебе, и теперь ты в моих глазах стоишь не меньшего уважения, чем твой титулованный брат. Поэтому ты заслужил ровно такую же казнь, которую я самым тщательным образом, во всех мелочах продумал для Робина.

– Представляю себе! – усмехнулся в ответ Вилл.

– Едва ли ты и в самом деле представляешь.

– Моя госпожа! – вдруг услышала Марианна быстрый шепот. – Не обрекайте себя на гибель, сделайте то, что требует от вас сэр Гай. Граф Роберт умен – он поймет правильно и вас, и письмо, которое вы напишите.

С трудом оторвав взгляд от Вилла и Гая, Марианна с изумлением посмотрела на Джефффри. Только он мог сказать то, что она сейчас услышала, и как странно он к ней обратился! Но Джефффри стоял возле нее с самым бесстрастным лицом, не глядя на Марианну, и она подумала, что ослышалась. Гай тем временем, не нуждаясь в помощи текста, на память монотонно перечислял все, что придется испытать Виллу и Робину на эшафоте. Марианна слушала то, что он говорил, с ужасом, который возрастал по мере того, как Гай переходил от одного предполагаемого действия палача к следующему. Вилл же выслушал описание казни с абсолютно спокойным лицом и, когда Гай умолк, рассмеялся:

– Вижу, ты ни в чем не отказал своей фантазии!

Бросив на него внимательный взгляд, Гай с пониманием покачал головой:

– Пожалуй, в части тебя один момент я упустил. Тебе прежде всего вырвут язык, чтобы твоими насмешками не испортил впечатление толпы от того, что она увидит.

Повернувшись к Марианне, которую продолжал удерживать Джефффри, надавливая ей ладонью на плечо, Гай долго и задумчиво разглядывал ее.

– Странно, что я до сих пор считал твое сердце добрым и мягким, а тебя саму – источником света. Ты ведь всем приносишь одни несчастья! Мало того, скольких людей ты своей неосторожностью увлечешь на тот свет вместе с собой, так еще и заставишь терзаться видом твоих страданий того, кто тебя так отчаянно любит.

Марианна подняла на него усталые глаза и презрительно усмехнулась.

– Ты решила, что я говорил о себе?! – от души рассмеялся Гай. – Нет, Марианна, любовь к тебе я похоронил утром той ночи, которую ты провела в объятиях Робина.

Он обернулся к Виллу и покачал головой:

– Смотри, Вилл, я уже понял, что ты ее любишь, а она так и продолжает пребывать в неведении! Конечно, разве такой, как ты, посмеет поступиться долгом, смутить покой в душе любимой женщины, если она волей случая досталась брату и сюзерену! Послушай, ты и впрямь никогда не задумывался отодвинуть своего братца в сторону? Настоять на правах старшего сына, и тогда бы все, что принадлежит Робину, включая и ее, досталось тебе? – с неподдельным интересом спросил Гай.

– Нет, – спокойно ответил Вилл, отразив его взгляд как клинком.

– Конечно нет, – вздохнул Гай и снова посмотрел на Марианну, которая поглядывала из-под ресниц на Вилла изумленными недоверчивыми глазами, – а ты сама все это время ни о чем не догадывалась! Не заметила, как невзначай завладела еще одним сердцем. Как ты думаешь, почему он отправился вместе с тобой сегодня в собор? Дай-ка я угадаю! Сначала он тебя не пускал, свято помня о приказе Робина. Наверное, долго противился твоему желанию повидать гонца. И ты должна была что-то сделать, что сломило бы его сопротивление. А! Наверное, расплакалась! И вот тогда он, любя тебя всем сердцем, не смог устоять при виде твоих слез. Я угадал, принцесса? Хьюберту было бы тяжело вместе с тобой проскочить через дозорных. Но ты запаслась таким пропуском – братом и правой рукой лорда Шервуда, что никто не осмелился даже осведомиться о цели вашей поездки, не то что остановить! Я еще раз тебя спрашиваю: ты будешь писать письмо?

Марианна оторвала наконец взгляд от Вилла и пристально посмотрела в темные глаза Гая.

– Что ты сделал с собой? – тихо сказала она. – В тебе ведь были светлые стороны, я же помню. Зачем ты сам уничтожаешь себя и обращаешь душу во мрак?

Гай шумно выдохнул, откинул голову и, прикрыв глаза, рассмеялся:

– Твоя проповедь, очевидно, означает отказ? Как знаешь, принцесса! Тогда я сейчас пошлю за сэром Роджером.

– Не утруждайся! – раздался голос сверху. – Я давно уже здесь.

Гай обернулся на голос и поднял глаза: Лончем стоял на самом верху лестницы у двери. Открыв свое присутствие, он медленно спустился вниз и подошел к Марианне. Остановившись напротив нее, он рассматривал Марианну, не упуская ни одной детали, словно вбирал ее всю бесстрастным взглядом черных глаз. Подавив сильное желание отвернуться, Марианна спокойно смотрела Лончему в лицо неподвижными серебристыми глазами.

– Как и прежде, не ведает страха, похорошела еще больше, и волосы отросли, – наконец сказал он и усмехнулся. – Это и был твой настоящий план, Гай? Мне ты рассказал о том, как хочешь заманить в западню графа Хантингтона, а на самом деле ты приготовил западню ей.

– Я приготовил две западни, – хладнокровно ответил Гай. – Об одной рассказал тебе, а потом и сэру Рейнолду, о другой умолчал, предвидя возражения. Рочестеру хватило ума и осторожности не попасть в мою ловушку, она же угодила, и теперь я заполучу его с ее помощью.

– И тебе доставит это больше удовольствия, чем если бы он сам поддался на твою приманку! – Лончем оглянулся на Гая и долго разглядывал его так, словно видел в первый раз. – Ты страшный враг! Для тебя не существует никаких правил и принципов.

Гай лениво пожал плечами и снисходительно улыбнулся:

– Для меня важна цель, Роджер. А как ее достигнуть, меня не занимает ни в малости.

– Да, в выборе средств ты не церемонишься. Щепетильность не самая сильная твоя черта. Потому ты и сказал, что тебя не интересует, как сложится ее судьба после его казни, что никакой судьбы ты и ей не оставил?

– Почему же? Если она уступит и напишет письмо, то все мои обещания сохранить ей жизнь и отправить в Уэльс остаются в силе. Но ведь она отказывается, Роджер. Так я ли

повинен в том, что она сама устремляется к гибели? Она ввязалась в мужскую игру, и почему я должен делать ей поблажку, помня, что она женщина?

Лончем снова обернулся к Марианне, окинул взглядом ее пополневший стан и посмотрел ей прямо в глаза:

– Соглашайся! Напиши это клятое письмо и положишься на ум и удачливость своего мужа.

– Кто вы такой, чтобы давать мне советы? – спросила Марианна, отвечая Лончему прежним спокойным взглядом.

Он задумался над ее вопросом, словно она действительно ждала ответа и, если бы ответ ей понравился, поступила бы так, как он предложил.

– Я тот, кто причинил тебе много горя. Преследовал тебя и добивался против твоей воли, убил твоего отца, заставил тебя страдать. Но сегодня я хочу избавить тебя от пыток, которым тебя подвергнут. Ты их не вынесешь и все равно сделаешь то, чего хочет Гай. Напиши сейчас, пока ты невредима, а не потом, когда для тебя будет поздно.

Марианна выслушала его, и уголки ее губ тронула улыбка, в которой отразилась бесконечная уверенность в собственных силах, а в глазах – легкая снисходительность и к угловорам Лончема, и к его сомнениям, и к внезапной жалости.

– Напрасно! – вздохнул он, заметив и улыбку, и взгляд Марианны.

– Бесплезно, Роджер! – смешком отозвался Гай. – Эта женщина собственным упрямством роет себе могилу! Поможешь заставить ее согласиться силой, раз добрых слов она слушать не пожелала?

Лончем еще раз бросил на Марианну откровенно сожалеющий взгляд и отвернулся.

– Что, палач шерифа занемог, и ты предлагаешь мне выполнить его работу? – спросил он и брезгливо покривился. – Тогда займись этим грязным делом сам, если забыл о рыцарском достоинстве.

– О котором ты вдруг вспомнил, – с деланным пониманием сказал Гай.

Не ответив, Лончем пошел обратно к лестнице.

– Подожди! – Гай вцепился рукой в плечо Лончема, когда тот проходил мимо него, вынуждая остановиться. – Куда ты собрался?

– Во Фледстан, – ответил Лончем. – Прямо сейчас.

– Во Фледстан? – глаза Гая зло сощурились. – А не в Шервуд?

Лончем посмотрел ему в лицо и расхохотался:

– Гай, ты сумасшедший! Решил, что я брошусь искать ее супруга и предложу ему свою помощь? Нет, я не такой бесстрашный, как ты, чтобы жаждать встречи с человеком, который убьет меня, не раздумывая ни минуты!

Гай впился глазами в Лончема, пытаясь понять, правду ли тот сказал, но Лончем ответил ему насмешливым взглядом и повел плечом, стряхивая его руку.

– Это ты сошел с ума, если решил сейчас покинуть Ноттингем! Я уверен, что он уже поднял всех своих людей на ноги, разыскивая Марианну! Ты попадешься прямо им в руки!

– Я поеду окружной дорогой, – ответил Лончем, поднимаясь по лестнице.

– Я пошлю с тобой моих ратников для охраны! – крикнул ему в спину Гай.

– Сделай милость! – пожал плечами Лончем. – Уверен, что они не только защитят меня, но и проследят, чтобы я добрался до Фледстана, а не в Шервуд, в чем ты меня заподозрил.

Проводив его взглядом, пока за Лончем не закрылась дверь, Гай перевел взгляд на Марианну и покачал головой:

– Что ты делаешь с людьми, принцесса! Как у тебя это получается?

Она промолчала, да он и не думал, что она ответит. Бросив взгляд на Джеффри, Гай недовольно нахмурился:

– Что ты вцепился в нее? Опасаешься, что она сбежит?

– Нет, милорд, – ответил Джеффри и, помедлив, убрал руку с плеча Марианны. – Отсюда сбежать невозможно.

– Тогда отойди от нее! – вздохнув, Гай забыл о Джеффри и подбородком указал Марианне на пергамент, перо и чернила: – С меня довольно капризов женщины в тягости! Я устал. Садись, бери перо и пиши то, что я тебе продиктую. Мне нужен Робин!

– В этом и кроется твоя самая горькая мука, Гай, – сказала Марианна, глядя ему в глаза. – Тебе нужен Робин, но ты не нужен ему.

И тогда он, уже не став себя сдерживать, размахнулся и изо всех сил ударил ее по лицу.

Глава девятнадцатая

– Что значит – ее нет дома? А где она?!

Задержав у самых губ кубок с горячим вином, поданный ему Кэтрин, Робин расширившимися глазами смотрел на жену Джона, которая только что с тревогой сказала, что Марианна уехала из лагеря. Встретившись с его глазами, в которых сгустилась грозовая синь, Кэтрин виновато опустила голову. В трапезной было шумно от гомона стрелков, которые старались протолкнуться к очагу и погреть озябшие руки, но Робин ничего не слышал: он молча смотрел на Кэтрин. Та вскинула на него агатовые глаза, в которых дрожал испуг, и торопливо пересказала события, повлекшие за собой отъезд Марианны. Она очень надеялась, что причина нарушения приказа Робина послужит оправданием всем, кто его допустил, и смягчит неумолимый и суровый взгляд лорда Шервуда и точно такой же взгляд мужа, который по выражению лица Робина почувствовал неладное и тут же оказался рядом с ним и Кэтрин. Но они оба выслушали ее молча. Бросив взгляд на двери трапезной, за которыми начали сгущаться ранние зимние сумерки, Робин быстро спросил:

– Когда они уехали?

– Наверное, через час после вас. Может быть, через полтора, но не позже, – ответила Кэтрин.

Робин и Джон переглянулись с одинаковой тревогой. Как ни далеко был собор Святого Георгия, Марианна и Вилл с Хьюбертом давно должны были вернуться. Волна тревоги захватила Клэрэнс, Мартину и Дикона, которые невольно окружили Робина, потом докатилась до остальных стрелков. Они смолкли и с беспокойством смотрели на лорда Шервуда, догадавшись: он далеко не обрадован тем, что сбивчиво нашептывала ему Кэтрин.

Резко поставив так и не тронутый кубок на стол, Робин подхватил со скамьи отложенный было колчан и стремительно вышел из трапезной. Стрелки во главе с Джоном поспешили следом за ним. Вскочив на еще не расседланного иноходца, Робин, не дожидаясь остальных, пришпорил коня.

Гнедой, понукаемый его рукой, мчался во весь опор. Робин торопил и торопил коня, не давая ему и минуты отдыха. Его сердце сжимало ледящее предчувствие беды. Он на миг задержался у дозорного поста, услышал от дежурных краткое известие о том, что Вилл действительно в первой половине дня проехал мимо них с Марианной в сопровождении Хьюберта, но никто из троих не вернулся той же дорогой, и снова пришпорил иноходца.

Осадив взмыленного Колчана у кромки леса, расступившегося вокруг собора, Робин кинул по сторонам пристальный взгляд. Он ничего не увидел, кроме конской туши, темневшей неподалеку от ступеней, ведущих к дверям собора.

– Все внимательно осмотреть! – отрывисто приказал он и, спрыгнув с коня, поспешил к собору.

Склонившись над мертвой лошастью, он попытался узнать ее, но тщетно. Этого коня – тонконого, явно с примесью восточных кровей и, следовательно, стоившего очень дорого, – он прежде не видел ни под одним всадником. Седло было снято, но лошадь осталась в оголовье с обрезанными поводьями. Те, кто забирал дорогую амуницию, не стали заботиться о той, что была испорчена.

Джон присел на корточки перед головой лошади, осмотрел медные бляхи на налобном ремне и отпрянул так, словно увидел змею.

– Герб Гисборна! – тихо вскрикнул он и, подняв голову, встретился глазами с Робинем.

Тот медленно выпрямился и тяжело провел ладонью по груди – там, где зажившая от стрелы рана вдруг заняла тупой тянущей болью. К нему подошел Статли, сжимая в руке тяжелый меч.

– Посмотри! Я нашел его неподалеку. По-моему, это меч Вилла.

Бросив взгляд на меч, Робин мгновенно убедился, что догадка Статли верна. Он поспешил к дверям собора. Снег перед ступенями был утоптан и в нескольких местах почернел от впитавшейся в него крови. Робин открыл тяжелую дверь и вошел внутрь.

В соборе было пусто и темно. Робин заметил две опрокинутые скамьи. Остановившись, он долго стоял неподвижно. Разум быстро свел воедино все находки, которые свидетельствовали о том, что днем у дверей собора разыгралось сражение, и Робин невольно скрипнул зубами, понимая, чем оно закончилось.

Тяжелая ладонь Джона легла ему на плечо. Робин очнулся и повел глазами в его сторону:

– Поднимай весь Шервуд. Надо узнать все, что возможно. Я поеду по следам.

– Нет нужды, – без промедления ответил Джон, – следы ведут на дорогу к Ноттингему. Судя по окоченению лошади, все закончилось несколько часов назад. Ты никого не догонишь. Надо вернуться и ждать вестей, а потом уже решать, что делать.

Робин молчал. По его напрягшимся плечам Джон понял, что лорд Шервуда готов броситься по следам, как волк по запаху свежей крови, слушая только голос инстинкта, но не рассудка. Он с силой тряхнул Робина за плечо, чтобы вывести его из этого состояния. Робин растянул губы в неживой улыбке и успокаивающе потрепал Джона по руке.

– Ты прав, Малютка! – обронил он. – Прав, как всегда, во всем. Поехали в лес.

Когда они подъехали к дозорному посту, дежуривший стрелок бросился наперерез лорду Шервуда и схватил иноходца под уздцы.

– Робин, мы только что перехватили гонца шерифа! Тебе надо послушать его!

Лорд Шервуда спешил и прошел вслед за дозорным в укрытие стрелков, устроенное в густых зарослях орешника. Там под стражей второго дозорного лежал связанный человек, из-под плаща которого на одежде был виден герб Ноттингемшира. Робин, которого окружили стрелки, сделал знак вынуть кляп, заткнувший рот пленника. Глашатай шерифа судорожно глотнул холодный воздух и облизал пересохшие губы.

– Дайте ему вина, – приказал Робин и обернулся к Джону: – Сделай из чего-нибудь факел и посвети на нашего гостя.

От сухой и смолистой ветки, которую Джон отыскал и зажег вместо факела, с треском посыпались искры. Гонец сделал несколько жадных глотков из фляги, приставленной к его губам, и посмотрел в темные глаза лорда Шервуда.

– С какими известиями тебя послал сэра Рейнолд? – негромко спросил Робин, устремившись взглядом вглубь зрачков гонца и почувствовав, как того одолел страх.

Посыльный шерифа заерзал, но, не сумев укрыться от терзавшего его взгляда Робина, торопливо ответил:

– Нас разослали по Ноттингемширу, чтобы мы от имени сэра Рейнолда объявили... – он запнулся, но Робин предупреждающе вскинул бровь и словно невзначай накрыл ладонью рукоять меча, и гонец поспешно сказал: – Милорд, то, что мне велено объявить, вас не порадует! Но я прошу сохранить мне жизнь, потому что я только посыльный и делаю то, что мне велят!

– Говори, – глухо ответил Робин.

– Ваша супруга леди Марианна и ваш брат Уильям Рочестер, известный как Вилл Скарлет, будут завтра преданы казни. Через три часа после полудня.

Все стрелки пораженно замерли, потом одновременно заговорили. Робин властно вскинул руку, призывая к молчанию, и, сжигая гонца почерневшими глазами, тихо спросил:

– Что дальше?

– Сэр Рейнолд обещает сохранить жизнь и вернуть свободу леди Марианне и Скарлету, если вы, милорд... – гонец опять поперхнулся словами, поймав предостерегающий взгляд Джона, который успел догадаться о сути предложения шерифа. Но Робин не сводил с посыльного глаз, и тот, выбрав из двух взглядов наиболее опасный, не посмел промолчать: – ...если вы до полудня сами добровольно отдадите себя в руки правосудия.

Робин расправил отяжелевшие плечи и посмотрел невидящим взором поверх черной кромки леса на усыпанное звездами небо.

– Мерзавцы! – яростным выдохом слетело с его губ. – Какие мерзавцы!

Джон, в душе испугавшись, что Робин прямо сейчас отправится в Ноттингем, крепко схватил друга за плечо, но Робин даже не заметил его жеста. Опустив глаза на замершего посыльного, он сказал:

– Их было трое. Ты же говоришь только о двоих. Что случилось с третьим? Его убили?

– Милорд, я мало что знаю! – умоляюще воскликнул посыльный. – Я и в глаза не видел пленников и говорю только то, что мне было велено говорить в Рэтфорде, куда я не доехал.

Помолчав, Робин негромко спросил:

– Как будет сегодня охраняться Ноттингем? Тебе известно?

– Да, милорд! На этот счет мы тоже получили распоряжение объявить о том, что должны узнать и вы! Гай Гисборн приказал удвоить число ратников на стенах города и у всех ворот. Въезд и выезд из города возможны только по письменному разрешению сэра Гая. Он отдал приказ, согласно которому в случае попытки штурма Ноттингема казнь пленников последует незамедлительно.

– Это все, что ты знаешь?

– Да, милорд, – ответил посыльный, но Робин по его глазам уловил, что пленник о чем-то вспомнил, но предпочел умолчать.

– Что еще?! – резко спросил он.

Посыльный замялся, проклиная себя за неосторожность, но отступать было поздно, и он еле слышно сказал:

– Я слышал, что леди Марианну пытались заставить написать вам подложное письмо. Она отказалась.

– И? – морозным облачком пара вылетело из губ Робина.

– Ее подвергли пыткам, милорд.

Глаза Робина полыхнули таким страшным огнем, что посыльный попытался вжаться в орешник, лишь бы спрятаться от этих глаз.

– Кто отдал приказ пытать ее?!

– Сэр Рейнолд по настоянию сэра Гая. Но леди Марианна... От нее так ничего и не смогли добиться!

Робин рассмеялся тихим зловецим смехом и отвернулся от посыльного, понимая, что теперь тот сказал ему все, что знал. Заметив, что лорд Шервуда собирается вернуться в седло, посыльный воскликнул с мольбой:

– Милорд! Что вы решили насчет меня?!

Робин обернулся.

– Мы отпустим тебя, – услышал посыльный его изменившийся голос, который пугал звеневшей в нем сталью. – В три часа пополудни.

Дозорные успели доложить ему, что ими был замечен Роджер Лончем, который в сопровождении ратников Гисборна проследовал по окружной дороге, очевидно, во Фледстан.

Робин едва помнил, как они снова вернулись в лагерь: дорога домой промелькнула перед его глазами как в густом тумане. Яркий свет костров, разведенных на поляне, ослепил

его. Придя в себя, он увидел много оседланных коней, а когда вошел в трапезную, она оказалась полна стрелков со всего Шервуда. При его появлении воцарилась мертвая тишина. Взгляды всех стрелков были устремлены на почерневшее, словно обуглившееся изнутри лицо Робина.

– Ты уже знаешь? – осторожно спросил Мэт, подойдя к лорду Шервуда.

Робин не успел сказать ни слова в ответ, как к нему, расталкивая стрелков, бросился Дэнис. Захлебываясь рыданиями, он крепко обнял колени Робина:

– Крестный! Скажи, ты не оставишь моего отца?! Ты не позволишь шерифу казнить его?! Ведь там и леди Мэри! Твоя леди Мэри!

Робин подхватил мальчика на руки и прижал к груди, унимая его рыдания. К нему подошла Мартина и забрала Дэниса из рук Робина, ласково нашептывая ему на ухо слова утешения. Но Дэнис продолжал отчаянно рыдать, не слыша ни слова из того, что она говорила.

– А что же Хьюберт? – воскликнул Дикон. – Почему о нем ничего неизвестно?! Неужели его убили сразу?

Робин медленно провел ладонью по лбу и глухо ответил:

– Если он жив, то мы наконец нашли ответ на давно мучивший нас вопрос.

Его слова услышали все, и стрелки настороженно смолкли. Дикон, не замечая враждебных взглядов, которые теперь обратились и на него, подскочил к Робину.

– Это неправда! – убежденно сказал он. – Я не верю! Мы были с ним в дозоре и вместе встретили посыльного брата Марианны. Все вышло случайно!

– Мне хотелось бы верить, что ты сам уверен в том, что сейчас сказал, – ответил Робин, избегая встречаться с Диконом взглядом. – Но посыльного Реджинальда Невилла вы не встречали.

– Письмо было написано рукой сэра Реджинальда! – воскликнула Клэрэнс. – Марианна показывала мне его письма, и я знаю его почерк!

Робин скользнул по взволнованному лицу сестры ничего не выражающим взглядом и мрачно усмехнулся:

– А вот в этом я как раз не сомневаюсь. Письмо несомненно написано рукой Реджинальда, иначе Марианна никогда бы в него не поверила. Вот только посыльный ее брата давно уже мертв, Клэр.

Дикон хотел возразить, но слова застыли у него в горле: Робин смотрел на него пристальным взглядом, от которого у Дикона похолодело сердце. Угадав его состояние, Робин заставил себя положить ладонь ему на плечо.

– Дик, я не хочу без веских оснований подозревать Хьюберта. Возможно, он убит, потому что не был нужен Гисборну так, как Марианна и Вилл. Мои слова касаются всех! – повысив голос, сказал Робин, окинув взглядом стрелков, глаза которых, обращенные к Дикону, не обещали ничего хорошего. Добившись суровым и предостерегающим взглядом повиновения, Робин посмотрел на Дикона и приказал: – Иди к себе, и ни шага из лагеря без моего разрешения!

– Робин, что нам следует делать? – спросил Статли, с сочувствием глядя на лорда Шервуда. – Какая тебе нужна помощь?

– Дозоры на все дороги из Ноттингема, – ответил Робин. – Больше пока ничего.

Отыскав взглядом заплаканную Кэтрин, он принудил себя улыбнуться ей обычной улыбкой, подошел к ней и прикоснулся кончиками пальцев к опущенным уголкам ее губ. Кэтрин в ответ невольно улыбнулась.

– Вот так-то лучше! – вздохнул Робин. – Кэтти, милый мой дружок, накрывай столы к ужину. Оттого что ты всех оставишь голодными, дело не исправится.

– Да, Робин! – всхлипнув, послушно ответила Кэтрин и подала знак Мартине и Клэрэнс, чтобы те помогли ей.

Джон настороженно следил за Робинот, который неподвижно застыл, сложив на груди руки, и невидящим взглядом смотрел вглубь пляшущих в очаге огненных языков. Не выдержав молчания, Джон осторожно спросил:

– Что ты решил?

Робин нехотя обернулся на его голос, и Джону показалось, что он не видит его: такой густой мрак затмевал обычно ясные глаза лорда Шервуда.

– Пока ничего, Джон, – ответил Робин и похлопал его по руке. – Займи мое место на ужине: я побуду у себя.

Он тяжелыми шагами ушел из трапезной. Дэнис, шмыгнув носом, хотел побежать следом за ним, но Джон поймал его за плечо и суровым взглядом указал на его обычное место за столом.

Робин остановился перед дверью, не найдя в себе сил открыть ее. На миг ему показалось, что из-за двери до него доносится голос Марианны – негромкий и нежный, словно она что-то напевала по своему обыкновению. Но только на миг. Его вновь окутала тишина, он толкнул дверь и вошел в комнату.

Тонкий и нежный аромат трав, смешанный с теплым запахом минувшего лета, окутал его с головы до ног, едва он переступил порог. В этом знакомом, любимом аромате Робину почудилось дыхание Марианны – такое нежное, родное и теплое! Ее губы словно дотронулись до его губ, и вся она приникла к нему, согревая теплом солнечного дня. Вот она на миг отстранилась, и он как наяву утонул в огромных, светлых, любимых глазах. «Кого из нас ты любишь больше?» – И в ответ снова послышался ее голос – ласковый, слегка упрекающий его за ревность к собственному ребенку: «Я еще не решила. Но обещаю, что скажу тебе, когда пойму сама».

– Милая, милая! – задыхаясь, прошептал Робин. – Что же ты наделала? Как ты могла быть так неосторожна!

Медленно пошевелив плечами, он уронил на пол плащ и снял с плеча ремень тяжелого колчана. На столе лежал оберег. Всегда прозрачный, голубоватый аквамарин сейчас был ярко-синего цвета. Отторгнутый от Марианны, он все равно поддерживал с ней такую крепкую связь, что своим синим мерцанием настойчиво предупреждал о смертельной опасности для той, кого был обязан беречь.

«Сердце мое, радость моя, почему ты сняла его?!»

Робин взял в руки оставленное на столе письмо, развернул его и пробежал глазами, выхватывая отдельные фразы:

«Дорогой отец и любимая сестра! Милая моя, маленькая сестричка! Радость моя, светловолосая Мэриан, чьи глаза такие же ясные, как серебряные глаза нашей матушки! Как бы я хотел увидеть тебя: ведь ты выросла, пока я был далеко. Какой же красотой ты должна была расцвести, иначе зачем бы я пытался заплетать твои косы, снося упреки твоей няньки? Мэриан моя, знай, что никого на свете для меня нет дороже тебя и нашего отца! Как я надеюсь на скорую встречу с вами обоими!»

Печально усмехнувшись, Робин не заметил, как письмо выскользнуло из пальцев и упало на стол. Зная, что Марианна является самым уязвимым местом его души, он ни разу не вспомнил, что и у нее есть такое же уязвимое место, в которое можно нанести точный удар. Если он знал о беспредельной любви Марианны к брату, то почему бы и Гаю не знать о том же? Ведь были времена, когда она доверяла ему!

Он посмотрел на аккуратно разложенные по краю стола выкройки из тонкого полотна – детали для детской рубашки. Его задрожавшие пальцы погладили ткань, и Робин, скрипнув зубами, отвернулся от стола и прижался лбом к холодной стене. В памяти прозвучал сбивчивый от страха голос гонца шерифа: «Ее подвергли пыткам, милорд...»

– Всемиловнейшая Фрейя! Дай мне силы не думать сейчас о том, что с ней! – выдохнул Робин.

Но камень на столе мерцал, не давая его мольбе быть услышанной: Марианна как наяву предстала перед глазами Робина – такая, какой он запомнил ее, наблюдая за ней на охоте в позапрошлом ноябре. Вот она склоняется к шее Воина и ласково треплет вороного рукой, затянутой в перчатку. Длинные светлые волосы струятся волнами ей на плечи из-под отороченной мехом шапочки, падают на шею коня и смешиваются с черной гривой. Нежные губы подрагивают в беззаботной улыбке, большие глаза блестят, не остыв от охотничьего азарта и удовольствия, доставленного быстрым галопом вороного. Холодный воздух раздуряет ее лицо. Отец предлагает ей руку, она легко соскальзывает с седла, смеется и перебрасывается шутками со знатными юношами, которые не сводят с нее восторженных глаз. Гай Гисборн заботливо отряхивает опавшие пожухлые листья с ее плаща, не зная, что его недруг стоит в нескольких шагах от него, отделенный только завесой густых ветвей, и тоже не сводит глаз с Марианны.

«Я смотрел на ее лицо, порозовевшее от румянца, и вспоминал его бледным и осунувшимся, каким оно было в Руффорде. Она одинаково оставалась мила мне, но тогда я хотя бы мог обмануть себя и посчитать ее своей, когда целовал ее горячие от болезни губы. Я смотрел на нее и думал, что если бы моя судьба сложилась иначе, она в тот день уже год была бы моей женой и сейчас опиралась бы на мою руку. И не ее отец, а я сам поймал бы ее, спрыгнувшую с лошади, в свои объятия и согрел бы губами ее лицо. И так же, как в Руффорде, она бы доверчиво прикинула ко мне, закрыв свои гордые глаза под моими поцелуями. Но она не видела меня, да и не могла увидеть! Воин раздувал ноздри и тянул голову в сторону моего укрытия, не слушаясь конюха. А она уходила, так и не почувствовав моего присутствия, моего взгляда. Как я проклинал себя! В которой раз я себе обещал, что не стану больше искать ее! И запоминал, против воли запоминал каждый ее жест, поворот головы, смех, голос, походку, чтобы потом вновь и вновь вызывать из памяти ее облик, задыхаясь от тоски по ней и от безысходности своей любви!»

Янтарные глаза Вилла, сощурившиеся в обычной усмешке. Улыбка брата, тепло крепкого пожатия его руки, высокий силуэт, замерший позади тонкого, изящного силуэта Марианны.

– Как же ты мог поддаться на ее уговоры! – прошептал Робин, прикинувшись лбом к стене и сляпывая устоять перед новой волной отчаяния. – Вилл, Вилл! Почему ты не удержал ее? Почему сам не почувствовал ловушку?!

Клэрэнс не выдержала гнетущего молчания за ужином, когда глаза всех, кто сидел за столами, невольно устремились к трем пустым местам в середине главного стола. Она незаметно ускользнула из трапезной и поспешила к брату. Неслышно открыв дверь, она увидела Робина. Он сидел на скамье, привалившись спиной и прижавшись затылком к стене, сложив руки на груди и вытянув ноги на стул, стоявший рядом. Его лицо было спокойным, глаза закрыты, и, если бы Клэрэнс не знала, что это невозможно, она подумала бы, что Робин спит. Но, конечно, он не спал и, услышав скрип двери, открыл глаза и молча посмотрел на сестру.

– Можно к тебе? – тихо спросила Клэрэнс.

Робин глубоко вздохнул и поднялся на ноги.

– Входи!

Она опустила на скамью и неотрывно смотрела на Робина, который достал из ниши в стене шкатулку с письменными принадлежностями. Разложив на столе чистый лист пергамента, он придавил его по краям, сел за стол и стал что-то писать. Украдкой посмотрев на строчки, выходявшие из-под быстрого пера, Клэрэнс увидела, что Робин пишет по-французски, но не смогла прочитать слов, перевернутых для нее, сидевшей напротив.

– Не молчи! – сказала она, переводя взгляд на склоненную над пергаментом голову Робина. – Почему ты всегда прячешь душу, когда тебе тяжело?

– Что ты хочешь узнать? – осведомился Робин. – Что я сейчас чувствую?

Он поднял голову, и, встретившись с его глазами, обычно такими непроницаемыми, Клэрэнс увидела, какие они сейчас беззащитные перед невыносимой болью, затопившей все его сердце. Глядя в его потемневшие глаза, в которых трепетал отблеск свечных огоньков, Клэрэнс почувствовала, как на ее глаза навернулись слезы.

– Пожалуйста, не плачь. Хотя бы ты, – попросил Робин, вновь опустив взгляд на пергамент.

Закончив писать, он подождал, пока чернила высохнут, и скатал пергамент в свиток. Клэрэнс, не зная, как утешить брата, отвела взгляд в сторону и вздрогнула, ослепленная пронзительным мерцанием аквамарина, синева которого сгустилась почти до черного цвета. Она осторожно прикоснулась к нему и отдернула руку: кристалл обжег ее холодом.

– Что с ним?!

– Предупреждает, что Марианна в опасности, – ответил Робин. – Чем сильнее опасность, тем больше сгущается цвет аквамарина, а сам он становится холоднее.

– А если? – и она замолчала, не в силах договорить, но Робин понял ее:

– Тогда он рассыплется в пыль.

Достав из шкатулки сургуч и одну из печатей, Робин запечатал свиток и поднялся из-за стола. В его движениях чувствовалась решимость, которая испугала Клэрэнс.

– Что ты намерен делать? – спросила она, затаив дыхание и не спуская насторожившихся глаз с Робина.

– Ехать в Ноттингем, – не оборачиваясь к ней, ответил он.

Клэрэнс подскочила и бросилась к нему. Схватив его за руки, она крепко прижала их к своей груди и посмотрела в глаза Робина так, словно ослышалась и он должен был разуверить ее в том, что сказал. Но его глаза были спокойными и безмолвно подтвердили: да, она все расслышала верно. Клэрэнс яростно помотала головой:

– Ты не сделаешь этого! Я позову Джона, и, если понадобится, он просто свяжет тебя!

Робин улыбнулся и, поцеловав ее руки, отцепил пальцы Клэрэнс от своих запястий.

– Ты поняла меня неправильно. Я не собираюсь сдаваться. Даже если бы я пошел на условия Гая, он не отпустит ни Вилла, ни Марианну. Я поеду в Ноттингем, чтобы выручить их и вернуть в Шервуд.

– Ты сошел с ума! – ахнула пораженная Клэрэнс. – Любая случайность – и тебя немедленно схватят! И тогда вас казнят всех троих.

– Значит, такова судьба, – холодно обронил Робин.

Клэрэнс обвила руками его плечи, сковав Робина в объятиях.

– Брат, образумься, прошу тебя! – с отчаянием взмолилась Клэрэнс, глядя в глаза Робина, синь которых вновь стала непроницаемой. – Я люблю тебя и не хочу терять, как мы с тобой потеряли отца!

– Да, я знаю, что Вилла, который тебе тоже доводится братом, ты не особенно любишь. Оказывается, что и жизнь Марианны тебе безразлична.

В его голосе промелькнул гнев, и такой же гнев отразился в глазах, устремленных на лицо сестры. Резким движением Робин снял с себя руки Клэрэнс и, не отводя от нее потемневших глаз, с упреком воскликнул:

– Я не ждал от тебя такого малодушия!

Клэрэнс молча склонила голову, не в силах найти правильные слова для ответа. Робин с усмешкой посмотрел на нее и спросил:

– Скажи, если я останусь в Шервуде, как ты хочешь, запрუსь здесь и пробуду до того часа завтрашнего дня, когда этот аквамарин превратится в горстку пыли, ты по-прежнему будешь любить меня, уважать и гордиться мной?

Клэрэнс молчала, с горечью признавая его правоту. Догадавшись и без ее ответа о том, что она думает, Робин невесело усмехнулся:

– Вот видишь? И Вилл, и Марианна – они оба могли спастись, стоило им пойти на сделку с Гисборном и предать меня. Так неужели я выкажу себя недостойным их преданности, даже не попытавшись спасти жену и брата?

– Ценой собственной жизни? – с горькой усмешкой возразила Клэрэнс.

– Если они погибнут, моя собственная жизнь не будет дорого стоить без дружбы Вилла и любви Марианны. Конечно, мой долг не позволит мне искать смерти – пусть не от собственной руки, но даже ценой намеренной оплошности в бою. Кроме долга у меня останется возможность призвать их в снах, вера в то, что я однажды встречу с ними, и понимание, что я не вправе сокращать свой путь и торопить эту встречу. Ничего, кроме снов, Клэр. До конца жизни – никакой иной радости, кроме воспоминаний. Ты желала узнать, что у меня на сердце, и я тебе поведал.

Он замолчал, посмотрел на Клэрэнс – она тоже молчала, по-прежнему низко склонив голову. Робин обнял сестру и, накрыв ладонью ее затылок, прижал ее лоб к своему плечу.

– Я еду в Ноттингем, Клэр, – повторил он. – Там моя жена и наш с тобой брат. Я не вернусь в Шервуд без них.

Клэрэнс подняла голову, посмотрела в погруженные в неведомую даль глаза Робина и, печально улыбнувшись, провела ладонью по его щеке.

– Да, ты прав, а я нет. Прости меня! – сказала она и, когда Робин опустил на нее глаза, прикоснулась губами к его подбородку. – Ты вернешься, и Вилл с Марианной вернутся вместе с тобой. Пытаясь остановить тебя, я проявила постыдное малодушие. Если бы я обладала достаточной смелостью и не отвергла собственный дар, ничего бы сегодня не случилось. Я снова сожалею о проявленной в детстве слабости.

– Что сделано, то сделано, Клэр, – сказал Робин и, улыбнувшись, тихонько щелкнул ее по кончику носа. – А чтобы ты не терзалась запоздалыми сожалениями, я открою тебе один секрет, и ты подумай над ним до нашего возвращения. Из нас двоих ты выбрала в любимые братья меня. Но в первые месяцы после твоего рождения Вилл – не я! – проводил у твоей колыбели все свое время, свободное от уроков с Эдриком и книжных занятий. Он, а не я, помогал твоей кормилице пеленать тебя. И когда ты впервые протянула руку и ухватила за пальцы брата, это были его пальцы, а не мои.

– Но я всегда помнила тебя, чувствовала твою любовь ко мне, – растерянно ответила Клэрэнс, пытаясь понять, что ей делать с тем знанием, которое открыл сейчас Робин. – И все время потом...

– Потом, Клэр, потом! – кивком подтвердил Робин. – Но первым из братьев в твоей жизни был не я, а Вилл.

Дверь в комнату снова открылась, и Робин увидел на пороге Эдрика.

– В Маласэт приезжал глашатай шерифа. Как только я услышал то, что он объявил, сразу отправился к тебе. Что ты намерен делать? – повторил он слово в слово вопрос Клэрэнс.

Робин с трудом сдержал тяжелый вздох. Эдрик, загородивший собой дверной проем, был куда более серьезным препятствием, чем нежные, цеплявшиеся за него руки сестры. Он помнил суровые выговоры, которыми наставник встретил его, едва он очнулся после ране-

ния в Локсли: «Ты не должен был сам ввязываться в бой. Твое дело – руководить сражением, так как это делал Гисборн. Почему ты бросился, очертя голову, сражаться с ратниками? Вот ты и получил то, что неминуемо должно было произойти в результате твоего собственного легкомыслия...»

– Можешь не отвечать, – усмехнулся Эдрик. – Я и сам по тебе вижу, что ты намереваешься совершить вылазку в Ноттингем. И сейчас думаешь о том, что я стану тебя отговаривать, а у тебя нет ни времени, ни сил разубеждать меня.

Он подошел к Робину, положил ладони ему на плечи и посмотрел в глаза:

– Нет, мой мальчик! У тебя нет другого пути, и ты должен это сделать. Я пришел не отговаривать тебя, а пожелать удачи и сказать, что ты можешь во всем на меня положиться. Все мое воинское умение, мой опыт в твоём распоряжении. Пока ты не вернешься, я останусь вместе с твоими стрелками, чтобы помочь им.

Робин вздохнул с облегчением, и, услышав этот вздох, Эдрик, как ни тяжело было у всех на душе, рассмеялся и слегка оттолкнул Робина от себя. Хорошо зная суровый нрав наставника, Робин понял, что время добрых слов и пожеланий закончилось, уступив место обсуждению дел.

– Кого ты оставишь вместо себя? – спросил Эдрик.

– Вилла Статли, – ответил Робин и в свой черед улыбнулся, когда до него долетел тихий, облегченный вздох сестры.

– Почему не Джона?

– Статли – воин по призванию, Джон – по необходимости.

– Хорошо, пусть так, – не стал спорить Эдрик и внимательно посмотрел на Робина: – Сколько человек ты возьмешь с собой?

Робин ответил ему только взглядом, и Эдрик покачал головой.

– Ты не справишься один. Возьми тех, кто сам вызовется пойти с тобой. Если никто не отважится, в чем я сильно не уверен, то я пойду с тобой.

– Нет, Эдрик, – непреклонно ответил Робин. – Ты обязан остаться. Если меня постигнет неудача, ты должен позаботиться о Дэнисе и Клэрэнс.

Посмотрев на Робина долгим взглядом, Эдрик кивнул:

– О них не беспокойся, мой мальчик.

Взяв оружие, Робин захватил со стола приготовленный свиток с печатью, обнял сестру и вместе с ней и наставником вышел в трапезную. При его появлении стрелки смолкли и посмотрели на лорда Шервуда в ожидании его слов.

– Что ты решил? – настороженно спросил Джон.

– Я отправляюсь в Ноттингем.

Тишина взорвалась протестующими криками. Джон медленно пошевелил могучими плечами, собираясь применить ту силу, которой Клэрэнс пыталась угрожать брату. Робин положил ладонь на стол и несильно хлопнул ею:

– Тихо!

Все разом смолкли, повинувшись его голосу.

– Я не собираюсь сдаваться и радовать Гая зрелищем трех казней вместо двух, – сказал Робин. – Я намерен проникнуть в подземелье Ноттингемского замка и освободить Вилла и Марианну.

– В одиночку?! – воскликнул Статли и обменялся с Джоном ошеломленным взглядом. – Робин, это даже не риск. Это безумие!

– Согласно условиям Гая штурм Ноттингема возбраняется, – усмехнулся Робин. – Значит, придется рискнуть и проникнуть в город тайно, в чужом облики. Джон, у нас есть одежда с его гербом? – неожиданно спросил он.

Джон испытующе посмотрел на Робина и, видя в его глазах неумолимость, протянул:

– Найдется. Только ты даже не думай, что я отпущу тебя одного. Сколько тебе понадобится людей?

Робин окинул взглядом притихших стрелков и отрицательно покачал головой:

– Я не имею права звать кого-то из вас с собой. Риск не просто велик – он смертельный, и дело касается только меня.

– Все, что касается тебя, относится и к нам! – гневно возразил Алан. – Вилл не только твой брат, он и наш друг. Мы приносили Марианне клятву верности, обещая защищать ее ценой собственной жизни. Я пойду с тобой!

Рядом с Аланом встал и Статли. Клэрэнс горестно ахнула, но не стала и пытаться удерживать возлюбленного, лишь растерянно посмотрела на брата.

– Вилл, я хочу, чтобы ты остался, – сказал Робин.

– Найди себе другую замену, Робин, – спокойно ответил Статли. – Из всех вас только я знаю Ноттингемский замок как свои пять пальцев. Без меня вы не пройдете дальше двора.

– Ну а то, что ты обойдешься без меня, полагаю, тебе даже не могло прийти в голову, – проворчал Джон.

– Достаточно! – сказал Робин, окинув взглядом тех, кто вызвался отправиться с ним в Ноттингем. – Джон, нам понадобится пять кольчуг и сюрко с гербом Гисборна: четыре для нас и одна для Вилла.

– Шесть, а не пять! – раздался взволнованный голос Дикона.

Дикон стремительно подошел к Робину и несмело дотронулся до его руки:

– Прошу тебя, позволь и мне поехать с тобой!

В наступившей тишине Робин молча смотрел на Дикона, лицо которого дрожало в мучительном ожидании ответа лорда Шервуда.

– Прошу тебя! – повторил Дикон, с мольбой глядя на Робина. – Если нас постигнет неудача, я умру с радостью. Лучше смерть, чем твое подозрение!

– Тогда ты должен понимать, что я не могу рисковать еще больше, взяв тебя в Ноттингем, – ответил Робин, пристально глядя на Дикона и слыша его прерывистое частое дыхание.

– Я прошу! – настаивал Дикон. – Я не предавал тебя! Я не верю и в то, что Хьюберт оказался предателем! Но, так или иначе, я поспособствовал тому, что Марианна оказалась в руках Гисборна. Позволь мне искупить эту вину!

– Почему с Виллом и Марианной поехал Хьюберт, а ты остался? – спросил Робин.

– Мы тянули жребий, и то, что поехал Хьюберт, а не я – простая случайность! Ни он, ни я – мы не предатели! – горячо говорил Дикон. Заметив, что Робин слушает его, не выражая никаких чувств, он воскликнул: – Ну что мне сделать, чтобы ты поверил?!

Услышав этот вопль отчаяния, Робин вновь повернул к нему голову, встретился с Диконим взглядом и проник в его сознание, не встретив сопротивления. Ничего, что вызвало бы сомнение в искренности Дикона. Абсолютная вера во все свои слова, полное доверие к Хьюберту и тревога за него. Но вот Дикон попытался воспротивиться воле Робина, тут же быстро уступил и покорно позволил заглянуть в самый потаенный уголок. Любовь. Безнадежная любовь к Марианне и стыд перед ним, Робиним, за то, что он узнал секрет Дикона. Усмехнувшись, Робин отпустил волю Дикона и, отвернувшись, сказал:

– Он не предатель. Джон. Шесть кольчуг и сюрко. И поторопись: времени осталось только до рассвета.

– Жребий? – усмехнулся Статли, пожалев Дикона. – Кто предложил и как вы это делали?

– Хью разломил веточку на две части. Мы с ним договорились, чтобы из нас ехал тот, кто вытянет короткую. Я вытянул длинную.

Статли, как это сделал утром Хьюберт, поднял с пола веточку лапника, разломил на две неравные части и сжал в ладони.

– Тяни, – предложил он Дикону, и тот послушно вытащил первую, что попалась. – А теперь смотри, дурачок.

Статли разжал кулак: на его ладони лежал короткий обломок веточки, а еще один он зажал между пальцами.

– Старый трюк, Дик! У тебя не было ни единой возможности вытащить короткую.

Тем временем Робин, рядом с которым стоял Эдрик, позвал к себе Эдгара и Мэта:

– Все стрелки, кроме дозорных, должны быть на дороге из Ноттингема в Шервуд, чтобы прикрыть нас на обратном пути и отсечь погоню.

– Робин, главное, чтобы вы встали на обратный путь, а с погоней мы справимся – даже не думай об этом! – горячо заверил его Мэт, а Эдгар молчаливо кивнул головой в знак полного согласия с его словами.

Робин посмотрел на обоих командиров отрядов стрелков и остановил взгляд на Эдгаре.

– Если у нас не будет обратного пути, – тихо сказал он и властным жестом пресек протестующие возгласы, которыми Эдгар и Мэт попытались оспорить его слова, – тогда Эдгар, ты заменишь меня. А ты, Мэт, поможешь Эдгару и подтвердишь мою волю. Сейчас не спорьте со мной – просто заверьте меня в том, что вы все исполните в точности, если мы не сумеем вернуться.

– Если мы пообещаем исполнить твою волю?.. – за двоих спросил Эдгар.

– Тогда я не стану беспокоиться о судьбе Шервуда и непременно вернусь, – улыбнулся Робин.

– А теперь мы обсудим с вами, как поступить, если графа Робина и тех, кто идет с ним, постигнет неудача, – сказал Эдрик Мэту и Эдгару. – В Шервуде должно хватить сил для штурма Ноттингема.

– Эдрик, это напрасная затея, – покачал головой Робин. – Ты же помнишь, что было сказано в послании шерифа: штурм Ноттингема повлечет немедленную казнь пленников.

– Если Гисборну удастся помешать тебе, в городе возникнет суматоха и понадобится время, чтобы восстановить дисциплину. Этим временем, милорд, мы с успехом воспользуемся. Карта города у меня с собой. Ты давно уже продумал, как можно силами Шервуда взять Ноттингем штурмом, если на то придет время и надобность. Так что нам остается только воспользоваться твоим замыслом, а я помню его до мелочей, – ответил Эдрик, в котором ожил командир ратников Веардруна. – Делай свое дело, лорд Робин, а мы займемся своим.

– Как ты собираешься проникнуть в Ноттингем без письменного разрешения сэра Гая? – спросил Джон, когда все переоделись и уже в облике ратников Гисборна были готовы к отъезду.

Робин вместо ответа подал ему пергаментный свиток. Рассмотрев оттиск на свисавшей со свитка сургучной печати, Джон невольно усмехнулся:

– У тебя, часом, не найдется и большой королевской печати?

– Найдется, если понадобится, – кратко ответил Робин.

– И что ты там написал?

– Несколько приветливых слов Гаю, – сказал Робин и потрепал Джона по плечу: – Главное – печать! Ноттингемские стражники все равно не владеют грамотой.

– И как же мы представимся стражникам, охраняющим ворота? – спросил Джон, зная, что у Робина есть ответ, но желая убедиться, что друг все продумал до мелочей.

– Ратниками, которых Гай отправил проводить Лончема во Фледстан.

– А я думал, что после разговора с посыльным шерифа ты не слышал того, о чем говорили дозорные! – признался Джон.

– Я все слышал, – ответил Робин. – Нам пора.

Дэнис, который все это время тихо сидел возле очага, не упустив ни одного из слов Робина, украдкой подобрался к лорду Шервуда и несмело дотронулся до его руки. Робин

посмотрел на мальчика, глаза которого – такие же янтарные, как у Вилла, – блестели слезами и горели надеждой.

– Ты спасешь отца? – спросил Дэнис, затаив дыхание и не сводя глаз с Робина.

Робин поднял его на руки, так чтобы лицо мальчика оказалось вровень с его лицом.

– Я постараюсь, – сказал он и, улыбнувшись, поцеловал Дэниса. – Обещаю тебе, что очень постараюсь!

Дэнис порывисто обнял его за шею. Когда все вышли к коновязи, Робин быстро оседлал Воина, Клэрэнс подошла к нему и поддержала стремя.

– Иди к Виллу, Клэр, – тихо сказал Робин, положив ладонь на светловолосую, ничем не покрытую голову сестры. – Скажи ему добрые слова перед расставанием.

– Я уже простилась с ним, – ответила Клэрэнс и, запрокинув голову, посмотрела на Робина и поцеловала его руку: – Храни вас Бог! Мы все будем молиться за вас, ожидая вашего возвращения!

Робин ласково провел ладонью по ее голове и пришпорил Воина.

Глава двадцатая

Дверь захлопнулась, заскрежетали засовы, шаги ратников, гулко звучащие в коридоре подземелья, затихли.

Заметив оставленный ратниками кувшин, Вилл дотянулся до него и, найдя его почти полным, плеснул воду себе на ладонь. Едва прикасаясь, он стер кровь с лица Марианны и, увидев, что она пришла в себя и открыла глаза, осторожно приподнял ее и помог выпить. Опираясь на руки, Марианна села и прислонилась спиной к стене. Простое движение далось ей с большим трудом. Стиснув зубы, она закрыла глаза, пытаясь отдышаться. Глядя, как она дрожит в промокшем насквозь платье, – ее щедро обливали водой, стоило ей только потерять сознание, – Вилл расшнуровал свою куртку на волчьем меху. Не придумав, как ее снять, чтобы укрыть Марианну, он уже хотел порвать куртку на плечах, как пальцы Марианны легли ему на запястье. Вилл повернул к ней голову: Марианна пристально смотрела на него глазами, в которых мерцала сталь.

– Теперь скажи мне правду, – потребовала она. – Ты действительно указал на карте правильное расположение постов или прав был Гай, заподозрив тебя в обмане?

Вилл усмехнулся, глядя на нее, настойчиво ожидавшую ответа.

– Я солгал. Правильно было указано только место одного поста, на котором дежурил Хьюберт, а в остальном я изменил всю систему дозоров. Гай все понял верно: и что я сделал, и зачем. Я хотел выиграть для Робина хотя бы одни сутки.

Марианна вздохнула с глубоким облегчением и, безмолвно извиняясь за подозрение, погладила его руку:

– Прости, что усомнилась в тебе. Но ты смотрел на меня с такой злостью, что я почти поверила, что ты решил помочь Гаю.

– Я и был зол. На себя, – с горечью сказал Вилл. – Я же сам был согласен с Робинем, что тебя нельзя отпускать дальше порога трапезной. И сам привез тебя в западню!

Скрипнув зубами, Вилл низко склонил голову на сомкнутые в замок пальцы. С усилием приподняв руку, Марианна дотронулась до его щеки.

– Не мучай себя! – сказала она. – Это не ты меня привез, это я нарушила его приказ, втянула тебя в беду и поставила под угрозу жизнь Робина.

– Давай не будем меряться благородством! – с тихой яростью предложил Вилл. – У меня есть своя голова на плечах. Я должен был думать, что делаю!

Услышав ее тихий вздох, Вилл укорил себя за гнев: Марианне и так досталось с лихвой.

– Позволь, я согрею тебя, – уже мягко сказал он. – Здесь холодно, стена ледяная, а ты в мокрой одежде, можешь простудиться насмерть.

Марианна рассмеялась, искренно развеселившись над его беспокойством о простуде. Вилл улыбнулся в ответ, бережно обнял ее и, усадив к себе на колени, прижал к груди, укутав поверх курткой так плотно, насколько мог. Марианна положила голову ему на плечо, и он скорее почувствовал, чем увидел ее взгляд, в котором оставался вопрос.

– Хочешь узнать, был ли сэра Гай прав и в другом? – невесело усмехнулся Вилл.

Она промолчала, и тогда он встретился с Марианной глазами и ответил:

– Да, прав. И мне тем более нет оправданий в том, что ты оказалась здесь. Я пошел на поводу у самого себя.

Она молча смотрела ему в глаза, в которых прежде видела только холод, отчуждение, язвительную усмешку, но очень редко – тепло. Он всегда держал ее от себя на расстоянии, и стоило ей лишь попытаться сказать ему доброе слово, как окатывал в ответ ледяной недоброжелательностью. И только сейчас она поняла, как ошибалась в его отношении к ней. Ведь

именно он всегда оказывался рядом в трудные минуты, когда она нуждалась в поддержке и помощи. Она вспомнила все. Как он выхватил меч и встал плечом к плечу с Робинем, когда стрелки требовали суда над ней. Как он бесцеремонно бросил ее в седло и, не слушая протестов, увез в лагерь, когда стрелки несли раненого Робина на плащах. Как он изводил ее в тот день постоянными напоминаниями о том, что она беременна. Как закрыл собой в трапезной от враждебных взглядов стрелков и объявил, что она ждет ребенка. Она разозлилась тогда на него, а он теми словами разом переломил отношение к ней стрелков, вырвал с корнем их недоверие к Марианне. Если бы она не отвлекалась на его враждебные или язвительные слова, а обращала внимание только на поступки, то давно бы поняла, что всеми его действиями руководило одно – забота о ней.

Она вспомнила день венчания, когда Вилл вызвался передать ее руку Робину, и, как ни торжественно было выражение его лица, в медовых глазах Вилла проскальзывали искры волнения и печали. Его губы, прижавшиеся к ее руке, были такими сухими и горячими, словно Вилл был смертельно ранен и напоследок припал к целительному источнику, позволив себе сделать только один глоток. А потом он передал ее руку Робину и весь обряд венчания простоял за спиной брата, сохраняя на лице безмятежно-спокойное выражение.

Даже Гай за пару коротких часов сумел разгадать чувства Вилла. И только она сама ни разу не заподозрила, не заметила его глубокой, горячей и так тщательно скрываемой любви.

– Я была слепа! – прошептала Марианна, закрывая глаза.

– К счастью для всех! – резко ответил Вилл. – И Робин, и я – мы очень старались держать тебя в неведении ради нашего общего блага.

Марианна распахнула глаза:

– Робин знает?

– Мне от него ничего невозможно скрыть, как и ему от меня, – усмехнулся Вилл. – Мы знаем друг друга столько лет, что каждый видит другого насквозь. Только однажды мы оба тоже ослепли – когда ты очутилась в Шервуде. – Посмотрев Марианне в глаза, он погладил ее по волосам и сказал: – Не беспокойся, Мэриан! Если мы останемся живы, а я очень на это надеюсь, то я никогда ни словом, ни взглядом не нарушу твоего спокойствия. Обещаю тебе!

Вилл отвернулся и устало прислонился затылком к стене. Марианна с грустью смотрела на его лицо, исполненное спокойной уверенности. Красивое, печальное лицо воина, никогда не отступающего от данного слова.

– Мне очень жаль, Вилл! – прошептала она.

– А мне нет, – ответил он, глядя перед собой. – Мое сердце было мертвым после гибели Элизабет. Ты оживила его и заставила биться вновь. Уже только ради этого, если бы время повернулось вспять, я пожелал бы, чтобы повторилось все, что произошло. Даже то, как я напугал тебя ночью в июле, потому что довел этим до слез, которые и тебя возродили к жизни.

Марианна медленно провела рукой по руке Вилла и тихо попросила:

– Поцелуй меня!

Он повернул ее голову так, чтобы видеть глаза Марианны, и с усмешкой спросил:

– Опять жалеешь меня, Саксонка?

– Нет, прошу.

Ее лицо исказилось. Разговаривая с ней, Вилл почти забыл о том, как она измучена. Сейчас же, при виде ее подрагивавших губ, сжимавшихся, чтобы удержать стон, он вспомнил об этом.

– Мэриан! – выдохнул Вилл и провел ладонью по ее лицу, стирая судорогу боли.

Она молча смотрела на него жаркими блестящими глазами, и он склонился над ней, осыпал нежными поцелуями ее лицо и, наконец осмелившись, прикоснулся губами к ее губам. Она вздохнула, расслабилась и приоткрыла губы, отвечая ему. И тогда он, забыв, где

они, прильнул к ее рту, целуя так, как целовал только в мечтах: страстно, со всем жаром своего сердца, не в силах оторваться от ее искусанных в кровь губ. Но даже такие – опухшие и соленые от крови – они были сладостны и желанны, и он долго не мог заставить себя прервать поцелуй.

Глядя Виллу в глаза, Марианна ласково прикоснулась кончиками пальцев к его щеке и, прежде чем уронить голову ему на плечо, прошептала:

– Если бы я не любила Робина, то любила бы тебя.

Вилл улыбнулся и с привычной иронией подумал о том, что у Гисборна никогда не было ни единой возможности завоевать любовь Марианны. Закрыв глаза, он прилег щекой к ее голове и прижал Марианну к груди, согревая теплом собственного тела. Она молчала, и он решил, что Марианна уснула, но она не спала. Ее пальцы ожили и погладили Вилла по запястью.

– Мне страшно, Вилл! – призналась она. – Страшно и стыдно за этот страх.

– Чего ты боишься? – спросил он, целуя ее в висок.

– Костра. Когда я представляю, как начнет разгораться огонь вокруг меня, как он будет расти и охватит меня целиком, у меня все внутри сжимается от страха. Почему сожжение считают самой подходящей казнью для женщин?

Она посмотрела на него грустным взглядом, и он лишь погладил ее по щеке, не придумав, что сказать в утешение.

– А ты совсем не боишься! – сказала Марианна, внимательно глядя в глаза Вилла и находя в них обычное спокойствие.

– Смерть есть смерть, милая. Немного дольше, немного больнее, – результат один. Конечно, унижительно, что в это время на меня будут смотреть десятки зевак, чтобы потом обсудить в подробностях, и что делал палач, и как я держался, – Вилл брезгливо поморщился. – Но я не боюсь не потому, что я такой бесстрашный. Я уверен, что Робин сделает все возможное и невозможное, чтобы вытащить нас отсюда, и я знаю, что он удачлив.

Недолго подумав, Марианна прошептала:

– В день гибели Мартина я спросила Робина, можно ли спасти того из стрелков, кто попал в темницы шерифа. И он ответил: невозможно.

– Он не мог тебе так ответить! – сказал Вилл. – Почти невозможно, Мэриан, почти!

Марианна лишь рассмеялась в ответ еле слышным, как шелест сухого камыша, смехом.

– Почему бы тебя не бежать? – вдруг спросила она.

Он решил, что у нее начался бред, но глаза Марианны были абсолютно ясными и серьезными.

– Каким же образом?

– Постучи в дверь, войдет ратник. Я уверена, что ты справишься с ним без всякого оружия. Потом переоденься в его одежду, забери оружие и уходи.

Вилл посмотрел на нее с невольным изумлением. Ее разум работал с безупречным расчетом. Предложенный Марианной план был предельно прост, но именно в силу такой простоты мог привести к успеху, если бы не одно обстоятельство, о чем Вилл и сказал.

– Это обстоятельство – я? – спокойно спросила она. – Тебе не надо об этом заботиться. Со мной на руках ты далеко не уйдешь. К тому же в этом нет смысла.

– И потому я должен бросить тебя и спасти себя самого, – с усмешкой кивнул Вилл и внимательно посмотрел на Марианну. – А почему ты, захватив коня, не помчалась в лес, а бросилась в гущу ратников мне на выручку?

Она не стала отвечать, лишь продолжала смотреть на него. Вилл поднял руку, на запястье которой сомкнулось железное кольцо. От кольца на его руке шла цепь к скобе, вбитой в стену.

– Вот, смотри и не думай о том, что из-за тебя я не могу бежать. Гай опасается меня даже здесь, запертым и под стражей.

Оценив надежность оков, Марианна тяжело вздохнула.

– Надо отдать тебе должное, милая: ты мыслишь, как блестящий стратег, – заметил Вилл, чтобы отвлечь Марианну от горьких мыслей, – а я не верил брату, когда он говорил, что у тебя замечательный ум и что из тебя получился бы отличный военачальник.

Уловка Вилла удалась: при имени Робина Марианна улыбнулась почти с радостью и точно с гордостью за отзыв Робина о ней.

– Я молюсь лишь об одном, – сказала она. – Чтобы он не поверил обещаниям Гая и не пришел в Ноттингем с намерением сдаться в руки шерифа.

– Не волнуйся об этом, – заверил ее Вилл. – Робин слишком хорошо знает Гая, чтобы верить его обещаниям.

Сам же он был далеко не уверен в том, что говорил Марианне. Если Робин не найдет иного способа спасти их, он несомненно попытается обменять их жизни на свою. Три жизни в обмен на одну.

– Не три, – прошептала Марианна, и Вилл не смог понять, угадала она его мысли или он, сам того не заметив, думал вслух. – Одну жизнь, Вилл.

Вглядевшись в ее бледное спокойное лицо, Вилл понял, что она говорит не о себе. Призвав свои силы Посвященного, он хотел передать ей часть собственной жизненной силы, но Марианна пресекла его попытку, моментально выставив защиту.

– Не мешай мне! – крикнул Вилл и, не удержавшись, в сердцах сказал: – Выучилась на мою голову!

– Не трать собственную силу напрасно, – ответила Марианна, – она пригодится тебе самому.

– Мэриан! – с отчаянием воскликнул Вилл, тщетно пытаясь пробить сотворенный ею заслон.

– Не получится, – улыбнулась Марианна, напомнив Виллу его собственную усмешку, с которой он наблюдал в августе, как она пытается защититься от воздействия его взгляда. – Мне даже от Робина очень редко, но удавалось закрыться.

– Зачем ты это делаешь? – устало спросил Вилл, прекратив попытки пересилить ее нежелание принимать от него помощь.

Она накрыла его ладонь своей и сказала:

– Выслушай меня и постарайся не перебивать. У меня не хватит сил на спор с тобой, – и она посмотрела на него ясными невозмутимыми глазами. – Я боюсь костра, но не попаду на него. У меня осталось в запасе несколько часов. На рассвете или немногим позже я умру.

Вилл слушал Марианну, не сводя с нее замерших глаз: слишком спокойно она говорила о собственной смерти, чтобы он поверил ее словам.

– Судя по всему, скоро откроется кровотечение, – продолжала Марианна, и при этих словах ее лицо исказилось, но она тут же справилась с собой, вновь став спокойной. – У тебя не хватит никаких сил восполнить мои, которые будут уходить с кровью.

– Как ты можешь быть так уверена? – только и смог сказать Вилл.

– Я ведь обучена медицине и знаю, что со мной происходит, – слабо улыбнулась Марианна. – Я всем сердцем надеюсь, что тебе удастся спастись. Передай Робину, чтобы он не печалился обо мне чрезмерно. Я стану ждать его на лугах Одина, и, пока он не придет в Заокраинные земли, я всегда откликнусь на его зов. Но пусть он найдет в себе силы не звать меня слишком часто, чтобы сны не путались с явью. И ты сделай так же – не печалься и не зови. Мы подружимся с твоей Элизабет и будем ждать вас, но вы не смеее торопиться в пути! Это все, Вилл. Сейчас моя защита растает, но я прошу тебя не пользоваться ее отсутствием.

Она побледнела еще больше, потратив последние крохи силы своего духа на то, чтобы сказать Виллу все, что хотела, и потеряла сознание. Вилл держал в объятиях ее обмякшее тело, перебирая в памяти каждое сказанное ею слово.

– Нет! – прошептал он. – Нет, Мэриан, пусть ты тысячу раз обучена своей клятой медицине, я не отпущу тебя!

И он осторожно, так, чтобы она не очнулась и не воспротивилась, стал вливать в нее собственную силу, не сводя глаз с ее лица. Оно слегка порозовело, слабое дыхание стало ровнее. У него же заломило раненое плечо, но он остановился только тогда, когда понял, что она вот-вот очнется. У него тоже не было сил спорить с ней.

За дверью послышались голоса, заскрипел отодвигаемый засов, и в темницу вошел Гай.

– Как она? – спросил он, устремив сумрачный взгляд на Марианну.

– Как она?! – перепросил Вилл и посмотрел на Гая с ненавистью и изумлением. – Ты отдал ее палачу, а теперь спрашиваешь, как она?!

Гай обернулся к сопровождавшим его ратникам и движением подбородка указал им на Вилла с Марианной. Три ратника подошли к ним, двое молниеносно схватили Вилла за руки и прижали спиной к стене, третий подхватил Марианну. Вскинув на руки ее бесчувственное тело, ратник подошел к Гаю. Тот опустил глаза на бледное запрокинутое лицо Марианны и, помедлив, провел ладонью по ее щеке.

– Не прикасайся к ней! – в бешенстве прорычал Вилл и рванулся из рук ратников в сторону Гая.

В ту же секунду возле него оказался Джеффри и приставил к горлу Вилла острое клинка.

– Только попробуй шевельнуться, Скарлет, и я воткну в тебя меч, – пообещал он.

– Неужели? – презрительно усмехнулся Вилл. – И лишишь своего господина удовольствия насладиться зрелищем казни, которую он придумал для моего брата и меня?

– Твоя правда, – хладнокровно согласился Джеффри и, понизив голос, добавил: – Тем более что из вас двоих ты ее заслужил в самой полной мере.

Вилл встретился с Джеффри взглядом, увидел в его глазах обвинение и понял, в чем тот его обвиняет. Но как смеет его укорять верный пес Гая Гисборна, сам принимавший участие в поимке Марианны? Глаза Вилла сузились от гнева. Джеффри усмехнулся ему в лицо и убрал меч в ножны. Вилл бессильно скрипнул зубами и только смотрел на Гая и Марианну, которую ратник по-прежнему держал на руках. Обернувшись в сторону двери, Гай кивнул, и в темницу вошел еще один ратник с большой охапкой соломы. Гай указал ему на угол, противоположный тому, в котором ратники удерживали Вилла.

– Не делай этого! – крикнул Вилл, угадав намерение Гая. – Если я не смогу дотянуться до нее хотя бы рукой, она не доживет до утра!

Остановив жестом ратника, который был уже готов свалить солому в указанный угол, Гай посмотрел на Вилла, вопросительно подняв бровь, понял и рассмеялся злым смешком:

– Ваша пресловутая магия! Питаешь ее собственной силой? – он перевел взгляд на Марианну и долго смотрел на нее, потом снова обернулся к Виллу. – Может быть, это лучший выход для нее? Просто уснет в беспамятстве, а не будет мучиться на костре.

С улыбкой глядя на Вилла, Гай подождал, что тот скажет в ответ, но Вилл молчал и лишь тяжело дышал, глядя на него потемневшими до смоляной густоты глазами.

– Ладно, рукой ты дотянешься, а там сам решай, как для нее будет лучше, – усмехнулся Гай, так и не дождавшись ответа, и указал ратнику на место возле стены.

Ратники положили Марианну на расстеленную солому, после чего отошли от нее и замерли за спиной своего господина. Медленно расстегнув замок плаща, Гай подошел к Марианне, опустился возле нее на пол и укрыл плащом.

– Почему ты такая упрямая, принцесса? – услышал Вилл его негромкий, полный горечи голос.

Не сводя глаз с лица Марианны, Гай гладил ее по влажным разметавшимся волосам:

– Что же ты сделала со своей жизнью? А с моей? Ты словно яд, влившийся мне в кровь!

По ресницам Марианны пробежала дрожь. Ее глаза открылись и в упор посмотрели ему в лицо.

– Убери от меня руки, Гай! – отчетливо проговорила она еле слышным голосом. – И сам убирайся прочь!

– Смотри-ка, очнулась! – рассмеялся Гай, поднимаясь на ноги. – Вилл, ты убеждал меня, что она не дотянет до рассвета, а она не только пришла в себя, но и командует мной! Ох, принцесса, силу бы твоего духа да в мужское тело – вот получился бы совершенный воин!

С усмешкой посмотрев ей в глаза, Гай перевел взгляд на Вилла:

– Доброй ночи вам обоим! К полудню ждите третьего гостя – вашего лорда, брата и супруга. Трех часов вам хватит исповедоваться и попроситься, а потом, Вилл, мы втроем посмотрим, как истает в огне женщина, которую вы оба любите, а я ненавижу так же сильно, как и она меня. Дальше наступит ваш черед – сначала твой, позже Робина. С удовольствием буду смотреть в его глаза, когда он увидит, как жгут твои внутренности, а потом его собственные. И все для вас закончится.

– Это для тебя все закончится, а не для нас. Недолгая боль, а следом за ней – бескрайние Заокраинные земли. Там мы забудем о самом твоем существовании, – спокойно сказал Вилл, пристально глядя на Гая. – А вот ты о нас будешь помнить до конца своих дней. Когда же умрешь, то упадешь в бездну мрака и вечно будешь плавиться в крови, которую пролил за всю свою жизнь.

– Я, кажется, ошибся, заботясь о ваших исповедях, и священник вам не нужен, – усмехнулся Гай, отвечая Виллу таким же пристальным взглядом.

Он понял свою оплошность через мгновение, попытался отвести глаза в сторону, но Вилл не позволил, медленно, но неотвратимо ломая волю Гая и обращая его взгляд внутрь души.

– Мерзко, правда? – негромко спросил Вилл, пресекая попытку Гая вырваться из-под его власти. – Ничего, кроме предательства, жажды власти, зависти, желания обладать?

– Если ты меня сейчас же не отпустишь, я прикажу запереть Марианну в другой темнице! – прорычал Гай, взбешенный и тем, что увидел внутри самого себя, и тем, что позволил Виллу захватить его волю в плен.

Услышав угрозу, Вилл закрыл глаза. Гай почувствовал себя свободным и быстрым шагом вышел из темницы, взмахом руки приказав ратникам следовать за ним.

– Робин был прав: задатки у него есть! – усмехнулся Вилл, глядя на закрывшуюся за Гаем дверь. – Несколькими прикосновениями вырвал тебя из беспомощности!

– Змеиный укус – вот на что похоже его прикосновение, – шелестом отозвался голос Марианны.

Больше он не услышал от нее ни слова. Выждав немного времени, Вилл позвал ее, но она не ответила, и он понял, что она снова потеряла сознание. Он попробовал дотронуться до нее и вспомнил Гая недобрым словом: как тот и пообещал, Вилл смог дотянуться до Марианны, но самыми кончиками пальцев, для чего ему пришлось распластаться по полу, натянув цепь до предела. Но все же он дотянулся и отдавал ей собственные силы до тех пор, пока не услышал, как ее тяжелое и частое дыхание стало ровным и легким. Марианна оказалась права: на этот раз ему пришлось отдать столько, что он сам с трудом поднялся на ноги. Плечо исходило тупой болью, Вилл прижался лбом к холодной сырой стене и закрыл глаза.

Горло сильно саднило. Кажется, он кричал Гаю, чтобы тот остановил палача. Вилл и сам это плохо помнил, как не помнил ни слова из ответов Гая. Он опять увидел перед собой широко раскрытые, слепнувшие от боли глаза Марианны и услышал ее голос, бывший молящим шепотом: «Вилл, не смотри на меня, закрой глаза! Прошу тебя!» Но он был не в силах исполнить ее просьбу и смотрел, как она кусает губы, чтобы удержать рвущийся крик. Лучше бы она кричала – ей стало бы хоть немного легче. Но Марианна молчала, возможно, из гордости, но в глубине души Вилл был уверен, что она молчала ради него.

Невольно в его памяти ожил давний разговор с Марианной. Он утверждал, что шериф и Гай Гисборн обойдутся с ней милосердно, попадись она им в руки. Марианна уверяла его в обратном, но он не поверил. Глупец! Разве можно так бесшабашно разбрасываться словами, задавать вопросы, не слушая, что говорят в ответ? Он не услышал Марианну, но сам был услышан. Боги непостижимы в своих поступках. Спросил – обрети искомое знание, и не просто обрети, а сам поспособствуй своему же прозрению. С еле слышным стоном Вилл потерся лицом о сырую стену. Он не только узнал ответ на вопрос, о котором уже позабыл, а сделал все, чтобы ненужный ответ был получен, и своими глазами убедился, как все-таки с ней обойдутся: без малейшего снисхождения, с куда большей жестокостью, чем обошлись с ним самим. Как он мог поддаться собственной слабости, преступным чувствам к жене брата, пусть даже Робин знал о них? Вспомнив все, чему недавно был свидетелем, Вилл содрогнулся от ярости, не находя себе ни оправдания, ни прощения.

Факел погас, затрещав напоследок и выбросив сноп искр. В наступившей темноте был слышен только мерный стук капель, падавших с потолка там, где в стене было вырублено крохотное окно. Теперь он даже не мог взять ее на руки и согреть собственным теплом. Впрочем, на соломе и под плащом она не должна была мерзнуть. Слово почувствовав его мысли о ней, Марианна еле слышно простонала. Солома зашуршала – она повернулась на бок и обхватила руками живот. Началось, понял Вилл, и крепко стиснул зубы. Сейчас он и сам уже не знал, что для нее будет лучше – дожить до костра или умереть так, как она и сказала ему. Он надеялся на спасение, но только потому, что никогда не разрешал себе впадать в отчаяние. Но и без того слабая надежда таяла, словно ее подтачивали и размывали эти холодные капли воды, звук которых он отчетливо слышал.

В конце концов он потерял счет и каплям, и времени. Когда вновь заскрипели засовы, Вилл очнулся и бросил взгляд на оконце, убедившись по темноте, что еще глухая ночь. Дверь распахнулась, и яркий свет, хлынувший из коридора, ослепил его. Он искоса посмотрел на вошедшего и разглядел на его одежде герб Гая Гисборна.

– Что вам опять надо? – устало вздохнул Вилл. – Еще даже не рассвело!

– А ты ждал меня только к полудню? – услышал он в ответ глухой, стремительный голос.

Онемев от неожиданности, Вилл резко обернулся. Перед ним в облачении ратника Гисборна стоял лорд Шервуда.

– Робин! – беззвучно выдохнул Вилл.

Они стиснули друг друга в объятиях. Робин отстранил Вилла и взгляделся в его лицо:

– Ты цел?

– На мне не прибавилось ни царапины, – сказал Вилл, и его глаза, вспыхнувшие при виде брата безудержной радостью, тут же помрачнели, – в отличие от Марианны.

Робин отыскал взглядом Марианну и, выпустив Вилла из объятий, бросился к ней.

– Джон, разруби цепь Вилла. Вилл, переодевайся! – отрывисто приказал он и, склонившись над Марианной, позвал ее: – Мэри!

– Она без сознания, Робин. Ей очень плохо, – быстро сказал Вилл. – Я передал ей сил, сколько смог.

Робин провел ладонью по щеке Марианны, ощутив начинающийся жар. Завернув Марианну в плащ, которым она была укрыта, он вскинул на руки ее отяжелевшее безвольное тело. Джон намотал на кулак цепь и с силой ударил по ней мечом. Тихо звякнув, цепь распалась, и Вилл оказался в объятиях Джона, потом Алана.

– Собрался в рай и даже не пригласил с собой! – воскликнул Алан. – Тоже мне, друг!

– Не шути так! Мы все можем еще оказаться на небесах до рассвета! – оборвал его Джон и передал Виллу сверток с кольчугой и сюрко с гербом Гисборна.

Когда Вилл переоделся, Джон подал ему меч.

– Вот твой клинок. Бросаешь его, где попало, а я подбирай за тобой? – проворчал он, и в его глазах невольно сверкнула влага.

– Тебе известно, где Хьюберт и что с ним? – услышал Вилл голос Робина.

Братья посмотрели друг на друга, и по губам Вилла поползла усмешка волка, наморщившего губы в смертельной угрозе:

– Теперь известно.

Прочитав ответ в сузившихся глазах Вилла, Робин кивнул, больше ни о чем не спросив.

– Уходим! – приказал он.

Стрелки вышли из темницы, где их встретил Статли, стоявший на страже у двери с обнаженным мечом в руке. Окружив Робина, который нес Марианну, стрелки поспешили по коридору к выходу из подземелья.

– Как вы пробрались в город? – спросил Вилл, на ходу заметив несколько неподвижных тел стражников шерифа, сваленных грудой в неосвещенном углу.

– Через ворота, – ответил Робин. – И так же попробуем выбраться.

Когда они уже были у лестницы, ведущей наверх, открылась дверь караульного помещения, и в коридор вышел стражник шерифа. За его спиной из открытой двери раздавались взрывы хохота и стук кружек. Увидев перед собой ратников Гая Гисборна – как всегда, безмолвных, с неподвижными лицами и угрожающим блеском в глазах, – стражник ни о чем не стал спрашивать. Нрав дружины Гисборна был хорошо известен всему Ноттингемширу, и даже ратники шерифа старались не заступать дорогу ратникам Гисборна и не связываться с ними.

Они прошли галерею и спустились во двор, где их ждал с лошадьми Дикон. Еще несколько шагов, и они будут в седлах, но навстречу им, преградив путь к лошадям, вышел ратник в одежде с гербом Гисборна и властно поднял руку.

– Стойте! Кто вы? Назовите себя! – приказал он, тщетно вглядываясь в неразличимые в темноте лица.

– Командир дружины Гисборна! – еле слышно выдохнул Статли.

– Не повезло, – тихо сказал Джон самым обыденным тоном.

– Расступитесь, – после секундного промедления приказал Робин и, когда Статли и Алан, продолжая заслонять его собой, остались стоять на месте, повторил громче: – В сторону!

Они подчинились, и он вышел вперед. Свет факела в руке Джеффри, ярко осветил лицо Робина: неумолимый блеск синих глаз, выступившие от напряжения скулы, плотно сжатые губы. Узнав лорда Шервуда, Джеффри даже отступил на шаг, не поверив своим глазам. С трудом отведя ошеломленный взгляд от Робина, он взглянул на его ношу, увидел прядь светлых волос, выбившуюся из-под плаща, и вновь перевел взгляд на лорда Шервуда. Несколько кратких мгновений они молча смотрели друг на друга – глаза в глаза. Стрелки тем временем крепче сжали рукояти мечей, готовясь к последнему сражению.

Снова посмотрев на Марианну, неподвижно лежавшую на руках Робина, Джеффри сделал шаг в сторону, освобождая дорогу.

– Ваша светлость!

Склонив голову в поклоне перед Робинот, он отвернулся и, заложив руки за спину, неторопливым размеренным шагом направился к воротам, на площадь.

– Все в порядке?! – задыхаясь от волнения, спросил Дикон. – Я слышал, что скоро должен вернуться Гисборн. Он сейчас проверяет посты на городских стенах.

– Вилл, бери любую лошадь! – негромко сказал Робин, садясь в седло.

– Зачем же любую! – усмехнулся Вилл и отвязал поводья рыжего жеребца. – Вот мой Эмбер.

Жеребец ласково зафыркал и потерся лбом о плечо Вилла.

Ворота были распахнуты, и они беспрепятственно выехали на площадь перед замком. Там горели костры, раздавался неумолчный визг пил и стук молотков. Ратники шерифа, гревшие у костров руки, сердитыми окриками отгоняли плотников, не позволяя им ни минуты передышки, и торопили заканчивать работу. Большой помост был почти сооружен, и два подмастерья заколачивали последние гвозди в лестницу, по которой днем должен был подняться Вилл. Неподалеку, вокруг большого столба с вбитыми в него цепями, была сложена поленница, и сейчас дрова обкладывали вязанками сухого хвороста.

– Сколько трудов и почета! – усмехнулся Джон, перехватив взгляд Вилла.

Они миновали площадь и поехали по улице, которая вела к городским воротам. Внезапно услышав стук копыт – навстречу рысью ехал конный отряд, Робин предупреждающе махнул рукой и свернул в проулок. Все последовали за ним и укрылись в непроглядной темноте между домами.

Вспыхнули огни факелов, и мимо затаившихся стрелков проследовали конные ратники, возглавляемые Гаем. Робин успел разглядеть его лицо, отлитое в обычную маску холодного высокомерия, и, едва улица опустела, тронул шпорами бока Воина.

– У нас осталось несколько минут, – сказал он, поднимая коня в галоп.

Они на полном скаку вылетели к воротам, закрытым решеткой, и навстречу им вышел стражник.

– Опять вы?! – недовольно воскликнул он. – Ваш господин только что был здесь и, узнав, что вы вернулись из Фледстана, поехал в замок.

– Мы встретили его, и он приказал нам возвращаться к сэру Роджеру, – ответил Робин.

Стражник помялся. Для него тоже не была тайной беспощадность ратников Гисборна, с которой они сметали любое препятствие на своем пути, – особенно если выполняли приказ своего господина. Сейчас таким препятствием мог оказаться сам стражник. Пересилив страх, он сказал:

– Не знаю, говорил ли вам сэр Гай, но, будучи здесь, он подтвердил свой приказ: никто не может покинуть город без его письменного разрешения.

Угадав в Робине старшего, стражник вопросительно посмотрел на него, но, увидев, как лицо Робина изменилось в мрачной и высокомерной усмешке, невольно втянул голову в плечи, ожидая, что сейчас на него обрушится удар меча. Но Робин достал из-за ворота кольчуги пергаментный свиток и небрежно швырнул его стражнику:

– Держи, трусливая собака!

Стражник посмотрел на печать и, вздохнув с неподдельным облегчением, благополучно пропустил мимо ушей презрительные слова.

– Как вы ему служите?! – проговорил он, налегая на вертушку с веревкой, чтобы поднять решетку. – Он гоняет вас и днем и ночью без всякой пощады и отдыха!

– Зато и платит отменно! – усмехнулся Статли. – Не в пример твоему сэру Рейнолду.

– А это кто с вами? – с любопытством спросил стражник, кивнув на Марианну, которая лежала в седле перед Робинот и была закутана в плащ так, что из-под него были видны только носки ее сапожек.

– Лорд епископ шлет подарок своему брату, – бесстрастно ответил Робин, с трудом сдерживая нетерпение из-за медлительности стражника.

– А подарок оказался строптивым? – понимающе ухмыльнулся стражник.

– У нас не забалуешь, – ответил Алан. – Еще один вопрос, и узнаешь это на собственной шкуре.

Решетка ползла вверх, но вдруг тишину спящего города нарушили пронзительные трубные звуки. Через мгновение им ответили многочисленные рожки с городских стен, и стражник замер, удерживая тяжелую вертушку.

– Поторапливайся! – процедил Робин. – Что ты застыл, словно собственное надгробие?

Стражник растерянно обернулся к нему и медленно выпустил рукоять вертушки. Под тяжестью решетки веревки начали разматываться, и решетка обрушилась вниз, преграждая выезд из города.

– Тревога! Видно, случилось что-то неладное. Придется вам теперь ждать, пока ваш господин сам не приедет сюда!

– Плохая идея! – ответил Джон и, выхватив из ножен меч, обрушил его на голову не ожидавшего нападения стражника. – Во всяком случае, для тебя!

Стражник мешком повалился на землю. Джон в одно мгновение оказался возле вертушки и несколько раз крутанул ее. Решетка взмыла вверх. Едва лишь все, кроме него, оказались за воротами, Джон рубанул мечом по намотанным на вертушку веревкам, и решетка с грохотом обвалилась. Но Джон успел проскочить под ней, низко пригнувшись к шее коня. За аркой ворот нарастал грохот копыт. Робин осадил вороного и потянулся к колчану.

– Лучше я! – предупредил его намерение Статли и выхватил из колчана лук и стрелу. – С Марианной тебе не удастся точно прицелиться!

– У него непробиваемые доспехи, – напомнил Робин.

– Знаю, – ответил Статли и, положив стрелу на тетиву, замер в ожидании.

К решетке на полном скаку выехали ратники во главе с Гаем. Увидев, что веревки, удерживавшие решетку, перерублены, Гай выругался во весь голос. Кружа на разгоряченном коне, он бросил взгляд за решетку, увидел в темноте силуэты всадников и немедленно выхватил у одного из ратников щит. Но закрыться щитом Гай не успел: Статли, прищурившись, вскинул лук, в одно мгновение взял Гая на прицел и отпустил тетиву. Стрела пролетела сквозь отверстие в решетке и вонзилась в шею Гая между шлемом и верхней пластиной доспеха, закрывавшего грудь. Выронив щит, Гай упал под ноги коня. Ратники, которые пытались сладить с решеткой, забыли о ней и бросились к своему господину.

– Отличный выстрел! – не преминул заметить Джон. – Надеюсь, что насмерть!

Робин пришпорил Воина и в сопровождении друзей помчался к лесу. Только возле переправы через Трент стрелки перевели взмыленных лошадей на рысь, дав им возможность отдохнуть.

– Неужели выбрались?! – воскликнул Алан, вытирая ладонью выступивший на лбу пот, и рассмеялся. – Вы не поверите: когда мы въезжали в Ноттингем, у меня так колотилось сердце, что я боялся, как бы стражники в воротах не услышали его стук!

– Коленки у тебя стучали о седло, а не сердце! – поддел друга Статли. – Признаюсь, мне тоже было не по себе, пока Робин не заговорил с ними.

– Да уж, они приняли его не иначе как за командира дружины Гисборна! – ухмыльнулся Алан.

– Я боялся, что они примут его за самого сэра Гая: так он распекал их за нерадивость, пока они поднимали решетку! – фыркнул Джон, бросив взгляд на Робина, черты лица которого были едва различимы в ночной темноте.

– Но когда мы нарвались как раз на командира дружины Гисборна, я подумал, что все, нам конец! – признался Статли. – Как ты догадался, Робин, что он пропустит нас, если увидит тебя?

– Я ни о чем не догадывался, – ответил Робин. – Просто вышел вперед, и все. Ничего другого все равно не оставалось. Он странный человек. В высшей степени предан своему господину, но при этом, даже когда мы с ним сталкивались в бою, умудрялся выразить мне свое почтение. У него есть собственные представления о чести, которые не мешают ему служить Гаю верой и правдой, но отличаются от представлений самого Гая.

Бережно поддерживая Марианну, Робин торопил и торопил Воина. Вороной шумно вздыхал, жалуясь на усталость от двойной ноши и тяжелых доспехов всадника, к которым он не был привычен: Робин редко надевал кольчугу, и не такую тяжелую, как та, что сейчас была на нем. За переправой к маленькому отряду присоединился Эдрик. Отыскав взглядом Вилла, он молча стукнул старшего воспитанника по плечу, выразив удовлетворение тем, что тот на свободе. Совсем иначе, с тревогой, он посмотрел на Марианну и сокрушенно покачал головой. Провожаемый радостными окликами патрульных, которые передавали отряд своего лорда из рук в руки, Робин вместе с друзьями наконец добрался до лагеря. Оставив лошадей на попечение встречавших их стрелков, они поспешили в трапезную.

Клэрэнс стремглав бросилась к Робину, но не смогла обнять его из-за Марианны. Тогда она повисла на шее старшего брата и горячо расцеловала его.

– Хвала Святой Деве! Ты жив, брат! – услышал Вилл ее жаркий шепот, когда Клэрэнс потерлась щекой о его плечо.

Он бросил на нее удивленный взгляд, усмехнулся и погладил сестру по голове. Сняв ее руки с себя, он легонько подтолкнул ее к Статли, который поймал Клэрэнс в объятия и закружил ее, зацеловал в смеющиеся губы, никого не стеснясь.

– Что с Марианной? – спросила Кэтрин, с тревогой глядя на Робина, который стремительным шагом нес Марианну в комнату.

Еще на половине пути к лагерю он почувствовал, как его руки даже сквозь рукава кольчуги повлажнели от крови. Не отвечая Кэтрин, которая почти бежала рядом, чтобы не отстать от него, Робин распахнул дверь и, войдя в комнату, осторожно положил Марианну на постель. Кэтрин торопливо зажгла свечи, Джон приладил к стене два факела, которые захватил в трапезной. Опустившись на одно колено возле изголовья кровати, Робин откинул плащ, укрывавший Марианну.

– Господи! – прошептал Эдрик и, не выдержав, отвернулся: – Бедная девочка!

– Когда они так расправляются с нами... Но с ней! – хрипло пробормотал Алан и, растеряв слова, покачал головой.

Робин, едва прикасаясь, провел кончиками пальцев по ее левой щеке, распухшей и багровой от огромного кровоподтека. Искусанные, окровавленные губы дрожали в мучительном оскале. Сквозь стиснутые зубы вырывалось частое хриплое дыхание. Взгляд Робина скользнул по вздувшимся кровавым рубцам, ожогам, оставленным раскаленным железом, и его глаза полыхнули огнем неукротимой ярости.

– Мэри! – только и смог он сказать.

Она открыла глаза. Блестящие от жара, огромные, они ничего не отражали, кроме огня, заливших комнату ярким светом. Робин протянул руку, и Клэрэнс поспешно подала ему кубок с вином. Осторожно приподняв Марианну, он приставил кубок к ее губам. Они шевельнулись, Марианна попыталась сделать глоток, но уронила голову на руку Робина, и вино струйкой вытекло из уголка ее рта. Тихо простонав, она повернулась на бок и подтянула колени к животу. Робин посмотрел на свои руки, испачканные кровью, и услышал созвучный его мыслям тревожный голос Эллен, которая тоже склонилась над Марианной.

– Робин, она исходит кровью! – голос Эллен дрогнул, она заглянула в мрачные глаза Робина и сказала: – Ты и сам все понимаешь. Речь уже идет только о жизни ее самой.

Робин ничего не ответил. Эллен обернулась к стрелкам и набросилась на них:

– Быстро все вон! Дикон, стой! Разведи огонь в камине, потом убирайся! Алан, Бранд, принесите воды. Клэр, достань чистые простыни и полотенца, положи их на скамью и отправляйся в трапезную – тебе тоже здесь нечего делать!

– Я могу чем-нибудь помочь? – тихо спросила Мартина, которая все это время стояла безмолвно, не сводя глаз с Марианны.

Робин оглянулся на ее голос, посмотрел на Мартину невидящим взглядом и отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказал он внезапно охрипшим голосом, – уходи. Мне достаточно помощи Эллен и Кэтрин.

– Разве ты останешься? – замерла Эллен, услышав его слова, и с тревогой посмотрела на Робина: – Лучше бы и тебе уйти.

Робин лишь повел в ее сторону взглядом, и Эллен поспешила заняться делом. Но ее поджатые губы свидетельствовали о явном неодобрении его решения.

– Вилл, побудь рядом с ней, – сказал Робин, поднимаясь с колен и уступая место в изголовье кровати брату.

Расстегнув пояс с ножнами, он отложил Элбион в сторону и стащил с себя кольчугу и сюрко с гербом Гисборна. Закатав испятнанные кровью рукава рубашки, он вымыл руки и поставил на стол ларец с лекарствами. Открыв один из флаконов, из которого вырвался резкий запах, Робин смочил его содержимым кончики пальцев и потер ими виски Марианны. Она глубоко вздохнула и открыла глаза. Увидев склонившееся к ней лицо Робина, Марианна вскрикнула.

– Спокойно, милая, ты в Шервуде, – сказал Робин.

– А Вилл? – с тревогой прошептала Марианна.

– Я здесь, Мэриан, – поторопился успокоить ее Вилл.

Источавшие жар пальцы Марианны легли поверх руки Робина.

– Ты пришел! – шепнула она, и на ее бледных губах мелькнула слабая тень улыбки.

– Ты сомневалась во мне? – улыбнулся Робин и нежно провел ладонью по ее щеке.

– Нет, – ответила Марианна, порывисто сжав его пальцы. – Я только не знала, как ты придешь.

– Теперь знаешь, – ответил Робин и отвел ее руку.

Вылив содержимое другого флакона в кубок так, что он наполнился до краев, Робин сел на кровать рядом с Марианной, приподнял ее и поднес кубок к губам.

– Пей. Все, что есть в кубке.

Марианна вдохнула запах снадобья, вызывающего схватки, узнала его, широко раскрыла глаза и умоляюще посмотрела на Робина. Сейчас, когда он был рядом, она забыла о собственных знаниях, помня лишь о том, что его познания в медицине обширнее, и смотрела на него с отчаянной надеждой.

– Ничего нельзя сделать, – сказал Робин, отвечая на ее безмолвный вопрос. – Только спасти тебя, если не терять ни минуты. Пей!

Видя, что она медлит и не решается, он приставил кубок к ее губам и заставил выпить его содержимое. Сделав последний глоток, она закрыла глаза и вытянулась на постели, ожидая, когда лекарство начнет действовать. Вилл сидел возле нее, не сводя глаз с лица Марианны, по которому из-под ресниц бежали слезы, и, утешая, гладил ее по руке. Робин вернулся к лекарствам. Поставив перед собой на скамью несколько кубков, он смешивал в них травяные настои, выверяя количество и пропорции.

Протяжный стон заставил его прервать свое занятие. Подхватив Марианну на руки, он уложил ее на стол, который Эллен застелила простыней. Робин склонился над Марианной и, уперев ладони о стол по обе стороны от ее головы, позвал:

– Моруэнн!

Она с трудом открыла глаза, и Робин, видя, как они стекленеют от начавшихся схваток, заставил себя улыбнуться:

– Все будет хорошо, милая, верь мне!

– Да, – прошептала Марианна, прижимаясь щекой к его руке. – Только не уходи!

– Я никуда не уйду, – ответил он. – Пожалуйста, слушай меня и делай все, что я буду тебе говорить. Тебе нельзя терять сознание: мы не справимся без тебя. Чтобы тебе было не так больно – кричи. Только не закрывай глаза, все время смотри на меня. Ты поняла?

– Да, – Марианна посмотрела на Робина и попыталась улыбнуться. – Я буду делать все, как ты скажешь.

– Робин! – покачала головой Эллен, предприняв еще одну попытку заставить его уйти. – Мужчине не следует видеть то, что здесь сейчас будет!

Она осеклась, когда он вскинул голову и посмотрел на нее: в его сверкнувших глазах была почти что ненависть.

– Оставь меня в покое, лучше займись тем, что должна делать сама! Нам не справиться без нее, а она не выдержит и пяти минут без меня. Ты же видишь, насколько она обессилена! – перестав терзать Эллен взглядом, Робин обернулся к Виллу и попросил: – Иди отсюда и жди меня в трапезной.

Вилл молча кивнул и, бросив последний взгляд на Марианну, склонившегося над ней Робина, притихшую Кэтрин и сосредоточенную, собранную Эллен, закрыл за собой дверь.

Он вышел в трапезную, где все смолкли при его появлении. Ни на кого не глядя, Вилл прошел к очагу, сел на пол рядом с Аланом и так же, как он, привалился спиной к стене.

– Хорошо смотрите! – усмехнулся Эдгар, глядя на них обоих, остававшихся в одеждах ратников Гисборна, и, помедлив, спросил: – Было страшно?

– Очень, – ответил Статли. – До сих пор не отпускает, хотя умом понимаю, что все позади.

– А мы, услышав сигнал тревоги, уже собирались рассредоточиться на штурмовые позиции, – сказал Эдгар. – Вовремя заметили, как вы одолели ограждающую решетку. Иначе сэр Эдрик не оставил бы от города камня на камне!

Эдрик бросил на Клэрэнс очень неодобрительный взгляд – она сидела рядом со Статли и крепко держала его за руку – и выразительно указал глазами на старшего брата. Клэрэнс немедленно выпустила руку возлюбленного и подала брату кубок с горячим вином. Вилл поблагодарил ее молчаливым кивком.

– Ей сильно досталось? – спросил Мэт.

Вилл не донес кубок до губ и посмотрел на него:

– Ты же сам ее видел!

– Да, но когда мы слышали про пытки, то подумали худшее.

– К счастью, до дыбы дело не дошло. У нее после железа почти кончились силы, а под плетью она постоянно теряла сознание. Палач, когда не смог в очередной раз отлить ее водой, сказал Гаю, что продолжать бесполезно, на дыбе она просто умрет, не приходя в себя, – с трудом выталкивая из горла слова, говорил Вилл. – Тогда Гай приказал прекратить.

– И ты все это время был рядом, – сказал Статли как бы между делом, но очень внимательно глядя на Вилла.

Вилл ничего не ответил и одним глотком выпил половину кубка, не почувствовав обжигающего жара вина.

Джон принес ящик со своими инструментами, покопался в нем, достал напильник и сел рядом с Виллом.

– Протяни руку – сниму с тебя это украшение сэра Гая, – буркнул он.

До трапезной долетели громкие вопли – так мог кричать раненый зверь. Ничего человеческого в этих криках не было, и только разумом все поняли, что это кричит Марианна.

– О Господи! – пробормотал Вилл, смыкая руки и утыкаясь в них лбом.

Безмолвно он поблагодарил Марианну за великодушие. Если бы она кричала так в Ноттингеме, он бы лишился рассудка.

– Ты что, хочешь, чтобы я тебе руку отпилил? – проворчал Джон, заставляя Вилла протянуть обратно запястье с железным кольцом и обрывком цепи.

Когда все закончилось, Робин приказал Эллен подавать ему кубки с лекарствами в той очередности, как они были расставлены, и поил их содержимым Марианну, которая покорно глотала, не разбирая вкуса. Боль покинула ее тело, внутри разливалась легкая, звенящая слабость. По мере того как она пила, голоса Эллен и Кэтрин становились отчетливее. Она почувствовала прикосновение их рук, ощутила спиной тепло сильной руки Робина, поддерживавшей ее. Она пила и не сводила глаз с лица Робина – неимоверно усталого, осунувшегося, с его глаз – бездонных, ставших неестественно огромными, с его сжатых губ. Когда он отставил в сторону последний кубок, она спросила, с трудом шевельнув губами:

– Я умираю?

Робин услышал ее вопрос и, улыбнувшись неожиданно светлой улыбкой, отрицательно покачал головой:

– Нет, милая, ты не умрешь.

Когда проворные и ласковые руки Кэтрин смыли засыхающую кровь с ее ног, Робин помог Эллен переодеть Марианну в широкую рубашку, вскинул на руки ее легкое тело, ставшее почти невесомым для его сильных рук, и отнес ее на постель.

– Мне холодно, – еле слышно сказала Марианна, когда он укрыл ее покрывалом, а Эллен засунула под него большой предмет, завернутый в провощенную ткань.

– Это лед, – ответил Робин. – Потерпи. Позже дадим тебе горячего вина с медом и положим к ногам грелку. А пока потерпи – кровь только что остановилась.

– Хорошо. Но я очень хочу спать, – прошептала Марианна, вытягиваясь на постели. – У меня больше нет сил противиться сну.

– И не стоит. Спи, милая, – улыбнулся Робин, дотронувшись губами до ее лба. – Тебе теперь надо спать.

– Ты будешь рядом, когда я проснусь?

– Да, – ответил он.

Она посмотрела на него и усмехнулась с невыразимой печалью.

– Помнишь, ты утром спросил меня? – и, закрыв глаза, сказала: – И ты теперь ты знаешь...

– Да, теперь я знаю, – ответил Робин, вспомнив вопрос, который он задал ей, даже не догадываясь, что так быстро и так страшно получит ответ.

Она не услышала его слов, провалившись в глубокий сон. Робин медленно провел ладонью по ее щеке и поднялся, чувствуя сейчас, когда все закончилось, дрожь усталости и напряжения во всем теле. Он посмотрел на Кэтрин, которая склонилась над маленьким белым свертком. Почувствовав его взгляд, она выпрямилась, прижала сверток к груди и посмотрела на Робина полными слез печальными глазами.

– Мальчик, – тихо сказала она. – Хорошенький, как ангел! Он был мертв, Робин.

Робин шагнул к ней, но прежде чем он успел взять сына из рук Кэтрин, Эллен, подлетев к нему, заслонила Кэтрин неприступной преградой.

– Уходи! – шепотом крикнула она, упираясь обеими ладонями в грудь Робина. – Уходи, не вздумай смотреть! Ты думаешь, что твое сердце выковано из стали и сможет выдержать все?! Тебе еще понадобятся силы, когда она очнется.

– Хорошо, – дрогнувшими губами ответил Робин, отводя взгляд от свертка и уступая натиску Эллен. – Позаботься о Марианне.

– Не беспокойся! – пообещала Эллен, не спуская с Робина сурового неприступного взгляда. – У нас с Кэт хватит забот до рассвета, чтобы залечить ее раны. Но ее душа остается на твоём попечении. Сейчас же уходи! Усни, пролей кровь, делай что хочешь, только уйди отсюда!

Лицо Робина исказил хищный оскал.

– Пожалуй, я пролью кровь! – сказал он и, быстро надев куртку прямо на испачканную кровью рубашку, застегнул поверх пояс с Элбионом, подхватил плащ и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Оказавшись в пустом коридоре, он на миг привалился спиной к стене и снова вспомнил: «Кого из нас двоих ты любишь больше?» – «Я еще не решила. Но обещаю, что скажу тебе, когда пойму сама».

– Тебе ничего не пришлось решать, милая! – прошептал Робин, скрипнув зубами от мучительной боли в груди. – Все решили за тебя.

«Я сам приму своего первенца и ни за что не поступлюсь этим правом».

Он сделал так, как пообещал Марианне, но не так, как ему представлялось, когда он давал ей это обещание. Довольно бесплодных сожалений! Он вернется и возьмет сына на руки, чтобы исполнить последний отцовский долг, и никто не посмеет ему воспрепятствовать. А пока... Рассмеявшись тихим и страшным смехом, Робин стремительно пошел по коридору к трапезной.

– Вилл, но как же ты мог так оплошать! – услышал он голос Мэта. – Донимал нас всех, напоминая, что мы должны беречь нашу леди как зеницу ока, и привез ее прямо в руки Гисборна.

В ответ мгновенно раздался звенящий от негодования голос Клэрэнс:

– Не смей упрекать его, Мэт! Это не он виноват, а все мы! Мы убедили Вилла в том, что Марианне необходимо съездить в собор и повидать гонца брата. Он не хотел отпускать ее и сам никуда не собирался ехать!

– Спасибо за защиту, Клэр, но не хватало мне спрятаться под твой подол! – пресек речь сестры Вилл. – Чем ты хочешь обелить меня? Тем, что я не устоял перед просьбами нескольких женщин? Нет, я действительно виноват. В полной мере, и прежде всего перед Робинем и самой Марианной. И я не знаю, как мне посмотреть брату в глаза.

– Но ты найди в себе смелость, – усмехнулся Эдрик, который до этого мгновения хранил молчание. – Самое время!

Вилл поднял измученные глаза и увидел, что Робин стоит на пороге трапезной и, сложив руки на груди, молча смотрит на него.

– Как Марианна? – спросила Клэрэнс, задав вопрос, который хотели задать Робину все.

– Поправится.

Расспрашивать подробнее не осмелился никто – выражение глаз Робина было красноречивее любых слов.

– Поедешь со мной? – негромко спросил он, по-прежнему глядя на брата.

Вилл стряхнул с запястья распиленное кольцо и поднялся на ноги. Не спросив Робина ни куда, ни зачем они едут, он только осведомился:

– Какое мне взять оружие?

– Меч, – ответил Робин.

– Куда ты собрался? – заволновался Джон, но Робин оставил его вопрос без ответа. – Почему ты берешь с собой Вилла? Он ранен! Возьми меня или Статли!

Робин и Вилл обернулись к нему, и Джону показалось, что на него в упор смотрят две пары волчьих глаз: темно-синие и янтарные. Робин отрицательно покачал головой:

– Это семейное дело.

Вилл подхватил меч, и Робин указал ему взглядом на двери. Эдрик отправился к конюшням вместе с братьями.

– Пора и мне домой, – сказал он в ответ на брошенный искоса в его сторону взгляд Робина, – пока моя глупая дочь не выломала дверь комнаты, где я ее запер. Не спрашиваю, куда вы направляетесь, мальчики, но приглядите друг за другом. Вы сейчас оба способны на безрассудство. Не знаю, кто из вас больше!

– Теперь рассказывай, – приказал Робин Виллу, когда они простились с Эдриком и вдвоем ехали по лесу. – Начни с собора и не упusti ни одной подробности!

Прикрыв глаза, он молча слушал тягостный рассказ брата, и его лицо, и без того мрачное, потемнело еще больше. Наконец Вилл смолк, и Робин ничего не сказал, лишь судорожно втянул в себя морозный воздух, опаливший легкие холодом. Вилл, ощущая в душе невероятную усталость и пустоту, посмотрел на Робина.

– Что ты хочешь услышать от меня? – спросил Робин, почувствовав его взгляд.

– Сможешь ли ты когда-нибудь меня простить? – с трудом выговаривая слова, спросил в ответ Вилл.

Робин повернул голову и внимательно посмотрел на брата.

– Я поехал сегодня в Ноттингем за вами обоими. Ты и она – это все, чем я дорожу и что боюсь потерять. Тебе достаточно такого ответа?

– Да, – отозвался Вилл, склоняя голову.

– Тогда перестань терзать себя, и еще сильнее, чем это сделал Гай. Ты думаешь, я не понимаю, зачем он пытал ее в твоём присутствии? Ты тоже был сегодня под пыткой, Вилл. Не продолжай ее теперь сам.

Больше они не обмолвились ни словом и в полном молчании доехали до цели пути, который привел их к Фледстану. Заведя лошадей в часовню, откуда начинался тайный ход, Робин повернул железное кольцо в стене и привел механизм двери в действие. Они быстро миновали длинный коридор, поднялись по лестнице и, открыв вторую потайную дверь, оказались в комнатах, которые когда-то служили покоями Марианны. Сейчас комнаты были чисто убраны, но повсюду царил нежилой дух: ими никто не пользовался. Если бы Робин не знал, что раньше в них жила Марианна, то не обнаружил бы ни одного следа ее бывшего присутствия.

Его память мгновенно оживила картину разгрома, который царил в этих комнатах, когда он пришел за Марианной, а повстречал Гая. «Какой же из твоих вопросов остался без ответа? Ах да, леди Марианна! – как наяву прозвучал знакомый, слегка протяжный, насмешливый голос. – Прекрасная, очаровательная леди Марианна. Тебя за ней привел долг? Или сердечное влечение? Если...»

Резким движением руки Робин прогнал не то воспоминание, не то беспокойный дух, покинувший тело. В воспоминаниях он не нуждался: каждый камень в стенах взывал о крови. А дух, если он и впрямь избрал Фледстан местом своих скитаний... Пусть бродит, вздыхает и стонет, пока не найдет покой. Он, Робин, пришел во Фледстан, желая найти того, кто пока оставался жив, и был уверен в том, что найдет. И нашел.

Как той апрельской ночью, в самой дальней комнате, где Робина тогда поджидал Гай, за тем же столом сидел Роджер Лончем. Только стол был пустым, а Лончем в отличие от

Гая совершенно трезв. Он встретил лорда Шервуда спокойным взглядом, не удивившись его появлению, словно давно и терпеливо ждал его.

– Встань у двери, – негромко приказал Робин Виллу, и тот прошел к двери, запер ее на засов и встал к ней спиной, слегка расставив ноги и сцепив руки на эфесе меча, уперев его острием в пол.

– Напрасная предосторожность! – усмехнулся Лончем, проследив взглядом за Виллом, и узнал в нем пленника Гая Гисборна. Обернувшись к Робину, он пристально посмотрел на него: – Выходит, ты побывал в Ноттингеме?

Не ответив, Робин опустил на стул и так же, как Вилл, поставил Элбион перед собой – острием в пол, ладони поверх рукояти. Он бесстрастно смотрел на Лончема и молчал.

– Значит, вот ты какой – граф Хантингтон и лорд вольного Шервуда! – проговорил Лончем, обстоятельно и неторопливо разглядывая Робина, и, откинувшись на спинку стула, спокойно спросил: – Как ты хочешь убить меня? Просто и без затей или мне взять меч, чтобы ты не нарушил правила чести, изобразив поединок со мной?

Робин продолжал сохранять молчание, лишь приподнял бровь при его последних словах. Лончем рассмеялся и развел руками:

– Я и раньше был наслышан о тебе от Гая как о лучшем воине из всех, с кем ему доводилось встречаться. А теперь, увидев тебя воочию, убедился в его правоте. Так долго ли я сумею продержаться против тебя? Может быть, обойдемся без пустых игр в благородство?

– Вижу, ты приготовился к смерти, – усмехнулся Робин, не сделав ни одного движения.

– А что мне оставалось? – с прежним спокойствием спросил Лончем. – Увидев вчера в подземельях Ноттингемского замка леди Марианну, я сразу понял, что ты, как волк, встанешь на оба следа – Гая и мой. Он еще жив?

– Полагаю, что нет, – сказал Робин, по-прежнему не сводя с Лончема бесстрастных глаз.

– Я так и подумал, едва вас увидел, – покивал головой Лончем и бросил на Робина острый внимательный взгляд. – А она?

Робин не стал отвечать, но по тому, как жестко прищурились его глаза, Лончем сам догадался.

– Жива, но потеряла ребенка, – вздохнул он и сказал тихо и искренно: – Соболезную.

– Не нуждаюсь, – ответил Робин, продолжая смотреть на Лончема так, словно о чем-то раздумывал.

Не понимая, почему он медлит, Лончем вопросительно посмотрел Робину прямо в глаза и угодил в мощный водоворот. Ошеломленный и растерянный тем, что с ним происходит, он не оказал воле Робина никакого сопротивления и вместе с ним заскользил по собственной памяти: от вчерашнего дня и назад – дальше и дальше. Когда Робин отпустил его волю, Лончем долго пытался прийти в себя.

– И ты вот такое же однажды проделал с Гаем? – выдохнул он. – Теперь я понял, за что Гай возненавидел тебя!

– Ничего ты не понял, – с усмешкой ответил Робин. – Разве ты сам увидел сейчас то, что оставалось тебе неизвестным?

Лончем помолчал, вспоминая головокружительное погружение в собственную память, и, задумчиво сощутив глаза, сказал:

– Да, так себе жизнь! Особенно нечем хвалиться. Но, думаю, что и ты не безгрешен.

– Намекаешь на то, что не все твои ратники, которых я убил, были повинны в том же, что и ты? – усмехнулся Робин, поднялся и молчаливым кивком велел Виллу следовать за ним.

– Подожди! – воскликнул Лончем, увидев, что лорд Шервуда собирается уходить, и почувствовал себя сбитым с толку. – Разве ты приходил не затем, чтобы убить меня?!

Робин оглянулся и посмотрел на Лончема так, словно тот не был препятствием для его взгляда и Робин сейчас видел сквозь него нечто, более заслуживающее внимания.

– Я не стану убивать тебя. Ни в поединке, ни без него. Я не простил того, что ты сделал в апреле, и не признателен тебе за то, что ты сделал вчера.

– А как же честь?! – спросил Лончем, впившись в него взглядом.

– Какое мне дело до твоей чести? – холодно осведомился Робин.

– Я спрашивал о тебе, Рочестер!

– Моя честь осталась при мне, а со своей разберешься сам. Либо сам себя накажешь, либо спасешь.

– Почему? – спросил Вилл, когда они возвращались к лошадям по коридору тайного хода. – Ведь ты ехал сюда с единственной целью – убить его. И он заслужил смерть из-за страданий, которые причинил Марианне.

– Да, – ответил Робин, – но приехал и обнаружил, что некого убивать. Он не тот, каким был, и, убив его, я не достиг бы цели. Смерть постигла бы не преступника, а человека, раскаявшегося в содеянном преступлении.

– Слова, достойные отца Тука! – усмехнулся Вилл, выразив несогласие с решением брата. – Ты уверен, что не хочешь вернуться?

– Я уверен в том, что хочу быстрее уехать отсюда и вернуться домой. Прав я или нет, судить не тебе, Вилл. Только Марианна вправе упрекнуть меня в том, что я оставил его в живых. Странно, что ты сейчас не можешь понять меня. Достаточно сделать один шаг в сторону с пути, чтобы потерять его навсегда.

Вилл помолчал, сознавая правоту брата, но отвергая ее всем сердцем.

– За что ты ему не признателен? – только и спросил он, подавив свой протест.

– Он уехал во Фледстан только для того, чтобы дать нам возможность проникнуть в Ноттингем под видом ратников, которых Гай послал с ним. Попутно я наконец узнал в точности, кому обязан тем, что Марианну не замучили до смерти во Фледстане.

Они сели на лошадей и весь обратный путь больше не обмолвились ни словом. Возле коновязи их встретил Дэнис. Едва дождавшись, пока Вилл спешится, он прыгнул отцу на шею и крепко обхватил его руками. Слезы сыпались из его глаз, словно крупный горох.

– Будет, сынок, будет тебе! Не плачь! – прошептал Вилл, целуя сына и прижимая к груди.

Дэнис, пытаясь справиться со слезами, гладил Вилла по лицу, не сводя с отца глаз. Вспомнив о Робине, он порывисто обернулся к нему и воскликнул хриплым от слез голосом:

– Крестный! Знаешь, за что я тебя люблю больше всего? Ты всегда держишь свое слово!

Робин рассмеялся, потрепал мальчика по волосам и ушел к себе.

Он переступил порог, и его окутали мягкий полумрак и ласковое тепло. В камине горел небольшой огонь, возле кровати сидела Клэрэнс и держала руку Марианны в своих ладонях. Робин снял с себя оружие, сложил его на скамье и склонился над Марианной.

Ее лица почти не было видно из-за компрессов, которыми его обложила Эллен. Только сомкнутые ресницы и губы, из которых вылетало слабое, но ровное дыхание. Робин осторожно сдвинул один компресс и дотронулся до лба Марианны. Возле него тут же появилась Эллен и сердито оттеснила Робина.

– Жара нет, с ней все в порядке, насколько это возможно в ее состоянии. Ступай в купальню, а потом ложись спать хоть в комнате сестры, – говорила она, ловко меня высохшие компрессы на новые, пропитанные травяным отваром. – Я все сделала, как должно, ожоги и рубцы скоро заживут. Клэр, дай брату полотенце и чистую одежду!

Робин отвел руку сестры и глухо сказал:

– Позже. У меня осталось еще одно дело.

Он обвел комнату медленным взглядом и, не найдя то, что искал, выдохнул:

– Где?!

– На кладбище, – ответила Эллен. – Джон позаботился о погребении.

Подойдя к ней вплотную, Робин очень тихо спросил:

– Не слишком ли много ты берешь на себя, Нелли?

От звука его обманчиво мягкого голоса у Клэрэнс по спине пробежала дрожь. Эллен высоко подняла голову и, собрав всю силу воли, посмотрела в темные, полные гнева глаза Робина.

– Нет. Ровно столько, чтобы думать о живых. О Марианне и о тебе.

Он долго молчал, и только краешек крепко сжатого рта подрагивал на абсолютно неподвижном лице. Глубоко вздохнув, Эллен осмелилась положить ладонь поверх его руки и умоляюще прошептала:

– Прошу тебя, не сердись! Поверь мне, так лучше, что не ты сам сделал это. Пожалуйста!

Не сказав ей ни слова, Робин подчеркнуто аккуратно взял у Клэрэнс одежду и полотенце и вышел, беззвучно закрыв за собой дверь. Проводив его взглядом, Клэрэнс перевела дыхание и посмотрела на Эллен.

– Знаешь, в какое-то мгновение я испугалась, что он задушит тебя! – призналась она.

– Мне тоже было не по себе, хотя я знала, что он никогда так не поступит, – ответила Эллен, с трудом отводя взгляд от двери. – Твой брат хорошо владеет собой. Чересчур хорошо, учитывая последние события. Не знаю, где он был и за чьей жизнью ездил, но эту жизнь он не забрал и выхода ярости не дал. Я прямо-таки слышала, как она клокочет в его груди!

Наполнив ванну водой, Робин долго смывал с себя кровь минувшей ночи. В ванне рядом устроился Вилл. Дэнис заботливо намыливал его голову, шею, плечи, стараясь не задеть повязку на плече.

Вилл внимательно и неотрывно смотрел на Робина, который, не замечая его взгляда, окунулся с головой, смывая мыльную пену с волос, и замер, устало откинувшись на край ванны. По его осунувшемуся лицу пробежали тени. Посвященный Воин не поступился исконными принципами ради утоления мести, но Шервудский Волк жаждал крови, не получил желаемого и не утолил свою жажду.

– Давно я тебя таким не видел! – невесело усмехнулся Вилл. – Ничего, вспомни о том, что остался еще Хьюберт.

Робин нехотя повернул голову в сторону Вилла, и по его губам пробежала жестокая улыбка.

– Спасибо, что напомнил! Хьюберт... – повторил он это имя. – Мы обязательно займемся им, и не станем откладывать.

Они оделись и, не сговариваясь, пошли в комнату Вилла. Робин по дороге заглянул в аптечную комнату и захватил все, что ему было нужно для перевязки, отправив Дэниса за чистой водой.

– Снимай рубашку, я поменяю тебе повязку, – сказал он брату.

– Что Марианна? – не выдержав, спросил Вилл, когда Робин промыл его рану, нанес поверх нее слой целебной мази и наложил свежую повязку.

– Спит, – ответил Робин. – Ей лучше.

Тяжело поднявшись, он подошел к закрытому окну, распахнул ставни и долго дышал холодным воздухом, постукивая пальцами по оконному выступу. Он был на ногах уже сутки, но не чувствовал усталости: огромное напряжение не отпускало.

– Вилл, Марианна никогда не писала мне... Ни одной строчки, ни одного слова. Я не знаю ее почерка. Если бы Гай знал об этом, ее участия в подделке письма не потребовалось бы. Ей стоило сказать ему только это, чтобы он оставил ее в покое.

Вилл подошел к нему и обнял за плечи, пытаясь найти нужные слова, которые умерили бы силу боли, пронизавшую сейчас всего Робина.

– Завтра начнется февраль, – думая вслух, говорил Робин. – Завтра ей исполнится девятнадцать лет. Что мне ей подарить? Если бы я умел поворачивать время вспять, то вернул бы его на год назад и подарил бы ей свободу от себя. Мартина, кажется, только сегодня поняла, как ей повезло, что я не женился на ней. Слишком опасная судьба у той, что носит мое кольцо и имя.

– Марианна не приняла бы от тебя такой подарок. Брат, ты хотел, чтобы я не терзал себя, а сам чем сейчас занимаешься? – спросил Вилл и несильно тряхнул Робина за плечи, поворачивая лицом к себе. – Вы оба молоды, у вас еще будут дети. Главное, что она не умерла и поправится!

Посмотрев в темные невидящие глаза Робина, Вилл понял, что тот не услышал ни одного слова. Тогда он нажимом руки вынудил Робина сесть на скамью, достал из сундука большую флягу и два кубка. Разлив по кубкам прозрачную янтарную жидкость, Вилл подал один кубок Робину.

– Виски? – усмехнулся Робин, узнав напиток по запаху. – Не знал, что у тебя есть запас шотландского зелья!

– Если бы я о нем рассказывал, запас давно бы иссяк, – рассмеялся Вилл. – Хватило бы одного Алана, который постоянно пробует по глотку, чтобы лишний раз убедиться, что ирландское лучше.

Не притронувшись к кубку, Вилл наблюдал, как Робин осушил свой, но не заметил ни капли хмеля в глазах брата и с досадой едва заметно поморщился. Он молча вновь наполнил кубок Робина. Тот не торопился пить, пристально разглядывая стенки кубка, словно ждал, что сквозь тонкий металл проступят вещицы письмена.

– Мне следовало остаться, – вдруг сказал он.

– Остаться? – не понял Вилл.

Робин тяжело усмехнулся:

– Марианна утром просила меня остаться, предчувствуя недоброе. Прислушайся я к ней и останься дома...

– Тогда в собор Святого Георгия отправился бы ты, – жестко ответил Вилл, – и сегодня палач опробовал бы на тебе казнь, придуманную для тебя Гаем. Ты знаешь, что она собой представляет?

Он кратко перечислил все, что ему говорил Гай. Выслушав брата, Робин скривил уголок рта в невеселой улыбке. Ему было что возразить. Несомненно, он поехал бы в собор Святого Георгия ради Марианны, но вместо нее и не один. Ратников шерифа Гай отправил в засаду на самого Робина, для поимки же Марианны взял только свою дружину, куда меньшую числом, и неизвестно, чем бы обернулась встреча с Робинем и его стрелками для самого Гая. В любом случае Марианна осталась бы в безопасности, а вместе с ней и сын, при мысли о котором у Робина сдавливало грудь тупой ноющей болью. Но ничего этого Робин говорить Виллу не стал, лишь усмехнулся:

– Всегда знал, что у Гая богатая фантазия, но не представлял, что настолько изощренная. И все же не думаю, что меня доволокли бы до эшафота. Уверен, ты помешал бы.

– Не сомневайся, – сказал Вилл, наблюдая за братом. Ему очень не нравились и улыбка Робина, и блеск в его глазах. – Вот только вначале пришлось бы искать, чем прикрыть твою наготу, поскольку, по замыслу Гая, с приговоренного должны сорвать всю одежду, прежде чем тащить за конским хвостом к месту казни.

Робин хмыкнул в ответ и опрокинул в себя содержимое кубка. Крепкий напиток действовал, но не так, как ожидал Вилл. Робин не расслаблялся, а мрачнел, погружаясь в тяже-

лые размышления. Пока Вилл думал, наполнять ли кубок Робина в третий раз, дверь приоткрылась, вошла Эллен с большой кружкой в руках, а следом за ней в комнату юркнул Дэнис.

– Пей! – потребовала Эллен, насильно всунув кружку Робину в руки. – Иначе нам придется лечить и тебя. Пей, Марианна будет спать еще долго.

Свирепо сверкнув на нее глазами, Робин поднес кружку к губам и распознал по запаху сонный отвар. Не найдя в себе сил сопротивляться настойчивости Эллен, он выпил его, и тот в смеси с виски подействовал быстро. Не прошло и нескольких минут, как Робин беспробудно спал, по-прежнему сидя на скамье и привалившись спиной к стене. Эллен и Вилл перетащили его на постель, раздели и укрыли покрывалом.

– Ты-то как? – спросила Эллен, посмотрев на Вилла. – Принести и тебе сонного отвара?

– Я в порядке, – сказал Вилл, сопроводив свои слова спокойным уверенным взглядом.

– Ну-ну! – неопределенно ответила Эллен, выразив глубокое сомнение в уверенности Вилла в себе самом, но ушла, не настаивая на своем предложении.

Дэнис забрался на постель и устроился рядом с Робинем, который спал, лежа ничком и отвернувшись лицом к стене.

– Не разбуди его! – грозным шепотом сказал Вилл сыну, и тот с готовностью покивал в ответ.

Но молчание Дэниса длилось недолго. Совсем скоро он выпростал ладошку из-под головы Робина и показал ее Виллу.

– Отец, смотри! – ладошка Дэниса была мокрая, и мальчик растерянно перевел взгляд с Вилла на Робина. – Крестный спит и плачет во сне. Разве взрослые мужчины, воины плачут?

Перегнувшись через Робина, Вилл заглянул в лицо спящего крепким сном брата и увидел, как из-под его ресниц проступают медленные крупные слезы. Ничего не ответив Дэнису, Вилл погладил сына по голове, взял свой кубок, оставшийся полным, и осушил его в два глотка.

Глава двадцать первая

По лугу в направлении реки мчалась белая лошадь. Всадница то и дело оглядывалась назад и понукала коня. Белая лошадь старалась изо всех сил, но ее неумолимо настигал рослый гнедой жеребец. Вот он поравнялся с белой кобылой бок о бок, и всадник на жеребце перехватил поводья у всадницы и осадил обеих лошадей. Всадница едва не вылетела из седла, но всадник поймал ее и ловким движением пересадил на своего коня – перед собой и лицом к лицу.

– Проиграла? – смеясь, спросил всадник и сам ответил: – Проиграла! Я настиг тебя раньше, чем ты успела домчаться до берега!

– Твой конь быстрее! – ответила всадница. – Тебе надо было дать мне больше времени, прежде чем самому бросаться в погоню!

– Уловка, моя леди? – тут же спросил всадник, сковав всадницу в объятиях. – Пытаешься увернуться от уплаты проигрыша?

– А если так? – с улыбкой спросила она, весело сверкнув глазами.

– Если так, то кроме проигрыша уплатишь пеню в двойном размере!

– Тогда уловка! – ответила всадница и крепко обняла всадника за шею.

Он принялся целовать ее, а она отвечала на его поцелуи с не меньшим пылом, и только жеребец пребывал в размышлении, как ему не уронить ни хозяина, ни вторую, легкую, но такую подвижную ношу. Наконец он широко расставил все четыре ноги, словно врос ими в землю, и склонил голову, наострив уши.

– Смотри, как старается удержать нас на своей спине! – сказал всадник, заметив ухищрения коня. – Вот какой должна быть настоящая боевая лошадь! Резвая, преданная и смысленая. Не то что у тебя. Только и достоинств, что белая масть да пышный хвост!

– Давай спешимся, – предложила всадница, – а то еще один такой поцелуй – и мы все равно упадем с него, а он огорчится: ведь так старался!

Он спрыгнул с коня, подал ей руку, она соскользнула прямо в его объятия, и они снова начали целоваться, забыв обо всем на свете. Жеребец неодобрительно пофыркал и ткнул хозяина лбом в плечо. Не получив ответа, он обошел целующуюся пару и бесцеремонно стащил с головы всадницы шапочку, ухватив ее зубами за самый верх.

– Ай! – воскликнула Клэрэнс, когда скрученные в узел и убранные под шапочку волосы упали ей на плечи. – Что он делает?!

– Ревнует к тебе! – рассмеялся Статли и, притворно нахмурившись, повысил голос на коня, отгоняя его прочь.

Жеребец посмотрел на хозяина очень выразительным взглядом, демонстрируя обиду, и отошел в сторону. Клэрэнс тем временем, зажав в зубах заколки, снова закручивала волосы в узел. Приведя себя в порядок, она взяла Статли под руку, и они пошли по лугу обратно к лесу. Клэрэнс молчала, и Статли не перерывал ее молчания, искоса глядя на лицо возлюбленной и любуясь ею. Прядь густых белокурых волос вновь своевольно выбилась из-под шапочки, осеняя тенью лоб Клэрэнс. Не удержавшись, Статли кончиками пальцев нежно отвел волосы с ее лица. Клэрэнс очнулась от своих мыслей и вопросительно посмотрела на него.

– Позволь мне сделать тебе подарок, – сказал Статли.

– Подарок? – оживилась Клэрэнс. – Какой?!

– Если ты не слишком привязана к белой масти своей кобылы, я подарю тебе другую лошадь – более резвую.

– О Вилли! – воскликнула Клэрэнс, и в ее глазах замелькали лукавые искорки. – Но ведь это очень дорогой подарок!

– Как мило, что ты боишься разорить меня! – рассмеялся он.

– Вот еще! – фыркнула Клэрэнс и капризно изогнула бровь. – Я вовсе не думаю, что ради того чтобы подарить мне коня, тебе придется продать свою зеленую куртку шервудского стрелка! Но как мне объяснить братьям, когда они спросят, на какие деньги куплена моя новая лошадь?

– Едва ли Робин и Вилл зададутся подобным вопросом, если ты скажешь им, что это мой подарок, – насмешливо успокоил ее Статли. – Они прекрасно осведомлены, из каких источников я черпаю свои доходы. Ведь они сами умножают казну Шервуда из них!

– Из податей, которые собирает шериф, а вы разбойно отбираете? – весело уточнила Клэрэнс.

– Что я слышу! – с притворным ужасом воскликнул Статли. – Почтительная сестра назвала возлюбленных братьев разбойниками?!

Клэрэнс посмотрела на него, и они расхохотались.

– И все же, леди, тебе нужна новая лошадь? – настойчиво повторил Статли.

– Да! – ответила Клэрэнс и предупредила: – Только я выберу ее сама!

– По масти? Или по длине хвоста? – спросил он с неуловимой улыбкой в голосе.

– Нет! – сказала Клэрэнс, высокомерно поджав губы. – Я опасуюсь, что ты подаришь мне коня, рядом с которым даже моя неуклюжая кобыла будет похожа на дорогого скакуна. Но из вежливости мне придется ездить на этом коне, раз он подарен тобой.

– Подожди, ты что, обвиняешь меня в скупости?! – с удивлением спросил Статли и рассмеялся: – Берегись! Тебе это будет дорого стоить!

Подхватив подол платья, она бросилась убежать от него, а он все время оказывался перед ней, позволяя ей ускользнуть и снова преграждая путь. В конце концов она оступилась и чуть не упала, если бы он не успел подхватить ее. Поймав Клэрэнс в объятия, Статли подбросил ее, словно маленькую девочку.

– Так-то ты позволяешь себе обходиться со мной! – с притворным возмущением воскликнула Клэрэнс, болтая ногами и пытаясь выбраться из удерживавших ее на весу сильных рук. – Со мной – благородной леди Клэрэнс! Дочерью и сестрой графов Хантингтонов!

– Благородная леди, предлагаю мир! Графская дочь и сестра графа, если я из-за тебя не устою на ногах, то ты упадешь прямо в эту лужу! – смеялся Статли, продолжая крепко держать ее на руках. – Хорошо, хорошо! Объясни мне, как должно обращаться с такой знатной леди, и я поработаю над своими манерами, чтобы тебе не в чем было меня упрекнуть!

Клэрэнс на миг замерла и лукаво посмотрела ему в глаза:

– Вот так! – шепнула она и, сжав ладонями скулы Статли, прильнула губами к его губам.

– Жаль, что я не знал об этом раньше! – прошептал он, когда их страстный поцелуй оборвался. – Иначе только бы и выражал тебе почтение должным образом!

– Почему ты решил, что мне нужна другая лошадь? – спросила Клэрэнс, когда они пошли по луку дальше, держась за руки. – Я ведь не стрелок и, кроме прогулок с тобой, никуда не езжу верхом.

– Такая светлая масть опасна для леса, Клэр, – ответил Статли. – Слишком хорошая мишень для самого неумелого лучника. И лошадь должна быть резвее. В Шервуде всякое возможно. Бывает и так, что жизнь напрямую зависит от того, насколько вынослив и быстр твой конь.

Луг остался за спиной, тропинка вела их по лесу и вывела на небольшую поляну. Заметив поваленное дерево, Клэрэнс ладонью расчистила ствол от налипших прошлогодних листьев и села, подобрав подол платья.

– Ты устала? – заботливо спросил Статли. – Тогда я приглашаю тебя в гости.

– И я засижусь у тебя допоздна, а потом ты скажешь, что ночь не лучшее время суток для прогулок по Шервуду. И мне придется остаться у тебя в гостях до утра, как в прошлый раз, – усмехнулась Клэрэнс.

– Придется? – повторил он, взяв в ладони озябшие пальцы Клэрэнс, и посмотрел на нее испытующим взглядом. – Значит, ты осталась позавчера только потому, что я отказался отпускать тебя на ночь глядя?

Она подняла на него глаза, полные нежного трепета, и, прижавшись щекой к его рукам, тихо ответила:

– Ты сам знаешь, что нет!

Статли молча поцеловал ее ладонь.

– Но все же сидеть на голом дереве зимним вечером не годится! – сказал он и, обернувшись, свистом позвал коня.

Сняв с седла плащ, он накинул его Клэрэнс на плечи. Она подождала, пока он сядет рядом, и стянула с плеча полу плаща, чтобы его хватило на двоих. Статли обнял Клэрэнс, и она спрятала лицо у него на груди.

– Клэр, твоим братьям не по душе, что ты бываешь у меня в гостях? – спросил он.

Клэрэнс подняла голову, и в ее глазах появилась деланая чопорность.

– Робин вчера сказал, что не может не указать мне на то, что меня стали часто видеть в обществе особ, ведущих сомнительный образ жизни! Твое внимание, Вилли, меня компрометирует, и как бы мне не лишиться расположения Робина!

– Неужели он так и сказал? – хмыкнул Статли. – Тогда пусть твой брат прежде скажет, где он нашел в Шервуде особ, в образе жизни которых ему пришлось усомниться!

– Нет, Вилл, – кротко потупив глаза, с лукавой улыбкой ответила Клэрэнс. – Твой образ жизни ему, несомненно, известен, но, разумеется, не может быть одобрен...

– ...Робином, который стоит во главе всего Шервуда! – договорил за нее Статли и расхохотался.

– Вилл, ты никогда не сожалел о том, что оказался в Шервуде, оставив свой дом и землю? – спросила Клэрэнс, поглаживая его по руке.

– Дом и землю? – Статли усмехнулся и, отстранившись, посмотрел ей в глаза. – Ты считала меня йоменом, Клэр? Я никогда им не был!

– Кто же ты?! – перестав улыбаться, насторожилась Клэрэнс.

– Удивительно, что у нашего осмотрительного лорда такая легкомысленная сестра! – рассмеялся Статли. – Отдала свое сердце, не узнав прежде, кому! – Став серьезным, он ответил: – Я был наемником и носил на доспехах тот самый герб Ноттингемшира, который носят наши враги – мои бывшие соратники.

– Ты служил шерифу? Сэру Рейнолду?! – недоверчиво воскликнула Клэрэнс и, поймав утвердительный взгляд Статли, потрясла головой от изумления: – Нет, правда?! Ты был ратником шерифа?!

– Тебе трудно в это поверить? – усмехнулся Статли, глядя в широко раскрывшиеся глаза Клэрэнс. – Но это так, голубка. В свое оправдание могу лишь сказать, что моя служба закончилась несколько лет назад, когда ты уже воспитывалась в обители, а твои братья еще жили в Локсли.

– А как ты вообще попал на эту службу? – еще не придя в себе от неожиданного открытия, спросила Клэрэнс.

Статли очень внимательно посмотрел на нее. За все месяцы, которые они провели вместе в Шервуде, поддаваясь взаимному притяжению, встречались, проводя время в прогулках и долгих беседах, вышло так, что разговор о его прошлом ни разу не зашел. Однажды узнав, что он во время ее пребывания в монастыре жил в Локсли вместе с ее братьями, Клэрэнс как-то сама собой уверилась в том, что возлюбленный до Шервуда был обычным добропоряд-

дочным йоменом, только оружием владел почему-то с умением, едва ли не равным умению ее братьев. Узнай она раньше, что он был ратником шерифа, изменилось бы ее отношение к нему или нет? Ведь для нее, сестры лорда вольного Шервуда, хуже, наверное, мог быть только ратник Гисборна, если не упоминать о самом Гисборне.

Клэрэнс, чувствуя на себе взгляд Статли, прекрасно поняла все сомнения возлюбленного. Устремив на него спокойный взгляд ясных голубых глаз, она сказала:

– Наверное, ты прав, и я должна была задать тебе такой вопрос раньше, но и тебе следовало самому рассказать о себе, чтобы между нами не возникла неясность. Ведь обо мне ты знал все и без моих рассказов, а я сложила представление о тебе, которое и близко не имеет отношения к действительности.

Статли глубоко вздохнул, признавая справедливость ее упрека. Конечно, ему следовало рассказать о себе раньше, но она не спрашивала. Но и он не рассказывал ей по той же причине, что и она. Робин и Вилл знали все о его прошлом, и не только они, и Статли считал само собой разумеющимся, что у него нет тайн от Клэрэнс. Раз она не спрашивает, то и так все знает. Оказалось, что нет.

– Кто твои родители? – спросила Клэрэнс.

– Не знаю, – пожал плечами Статли. – Я был одним из воспитанников настоятеля собора в Ноттингеме, и о том, как я среди них оказался, мне рассказали две совершенно разные истории, которые сходились в одном: меня младенцем подобрали на паперти. Но по одному рассказу, меня забрали из рук мертвой матери – в тот год случилось поветрие. Не чумы, но какой-то другой болезни, от которой умерло много народа. Настоятель же сказал, что меня просто подбросили. Я был в соборе служкой, потом меня, наверное, отправили бы в какой-нибудь монастырь.

– Не могу представить тебя монахом! – не удержалась от смешка Клэрэнс.

– Как видишь, я им не стал. Меня с раннего детства занимало оружие. Оказавшись в городе, я мог часами простаивать у прилавка оружейника или во дворе замка шерифа, наблюдая за тренировками ратников. Ох, сколько раз по моей спине гуляли розги, когда меня посылали с каким-нибудь поручением, а я возвращался только под вечер, вдоволь насмотревшись на ратные занятия! В конце концов я привлек внимание одного из ратников шерифа, и он устроил так, что меня забрали из собора в услужение во дворец сэра Рейнолда. В шестнадцать лет я уже стал одним из ратников и радовался тому, что моя жизнь сложилась так, как я хотел. Мне была по сердцу ратная служба, общество товарищей по оружию вполне заменило мне семью, и я служил благородному делу – поддержанию порядка и защите справедливости.

– Ты действительно так думал? Что ты, служа сэру Рейнолду, защищаешь справедливость? – недоверчиво переспросила Клэрэнс.

– Я понимаю, почему ты удивлена, – вздохнул он. – Не забывай, что я был тогда даже не молод, а юн, и юношеские иллюзии мне были так же присущи, как и другим в этом возрасте.

– И когда же они окончательно развеялись?

– Через четыре года, когда власть в Ноттингемшире начал забирать Гай Гисборн. Он тоже был еще весьма молод, но уже отличался крутым нравом и жесткой рукой. В тот день, когда моя служба шерифу закончилась, я присутствовал в зале, где сэр Гай от имени шерифа творил правосудие. Он разбирал дело о браконьерстве, и подсудимый оправдывался тем, что убил оленя не потому, что охотился на него. Он набрел на оленя в лесу, когда тот издыхал, сильно израненный волками, и прирезал несчастное животное, оборвав агонию и, конечно, чтобы сохранить мясо. Оленья туша была тут же в зале. Я из любопытства осмотрел ее до начала разбирательства и, слушая оправдания, знал, что подсудимый говорил правду. Олень был, действительно, сильно изгрызен волчьими клыками. Дело меня не сильно занимало: я считал решение очевидным. Но когда сэр Гай отмел все оправдания и приговорил несчаст-

ного парня к отсечению руки, я не поверил своим ушам и вмешался. Подтащил тушу оленя к Гисборну, призвал одного из лесничих, чтобы тот подтвердил, что животное было обречено.

– И что было дальше? – затаив дыхание, спросила Клэрэнс.

– Лесничий поручился в том, что олень не выжил бы с такими ранами, сэра Гай отменил приговор и приказал освободить подсудимого, – ответил Статли.

– Нет, – покачала головой Клэрэнс, не сводя с него глаз, – что было дальше с тобой? Ты ведь сказал, что это был последний день твоей службы у сэра Рейнолда.

По лицу Статли пробежала тень, он невольно провел ладонью по узкому шраму, перебившему всю щеку, и усмехнулся:

– Со мной? Я узнал, что ждет того, кто посмеет вмешаться в правосудие, если его творит Гай Гисборн. Он приказал мне остаться, и когда в зале были только он, я и несколько ратников, велел подойти к нему. Я, конечно, ожидал выговора за непрошеное заступничество, но и только. Но Гисборн не сказал мне ни слова. Он молча изо всей силы ударил меня по лицу рукой в латной рукавице – я упал, не устояв на ногах.

– Этот шрам – след того удара? – болезненно поморщилась Клэрэнс и осторожно провела кончиками пальцев по щеке Статли.

– Да, остался на память о сэре Гае, – ответил Статли, и его глаза жестко прищурились.

– А потом?

– А потом он приказал ратникам избить меня и повесить за городской стеной.

– И они послушались его?

– А куда бы они делись! – пожал плечами Статли. – Конечно, послушались.

– Но ведь они были твоими товарищами! Ты несколько лет прожил среди них! – с возмущением воскликнула Клэрэнс.

– Моя участь была решена на их глазах, и они не хотели ее разделить вместе со мной, отказавшись повиниться Гисборну, – нахмурился Статли. – Поэтому они постарались проявить усердие и избили меня до беспамятства. Я пришел в себя только на следующий день, обнаружив, что нахожусь в незнакомом доме, а рядом увидел молодую светловолосую женщину. Это была Элизабет, дом оказался домом Робина, а сам я узнал, что попал в Локсли, о котором до тех пор ни разу не слышал.

– Как же тебе удалось избежать смерти? – тихо спросила Клэрэнс, глядя на Статли так, словно все, о чем он рассказывал, происходило на днях, а не несколько лет назад.

– По счастливой для меня случайности твои братья повстречали ратников, которые волокли меня к виселице, и выкупили у них мою жизнь.

– Почему они вступились за тебя? Ведь они не могли не понять по твоей одежде, что ты служишь шерифу Ноттингемшира!

Статли рассмеялся в ответ.

– Клэр, ты же знаешь своих братьев! Когда я задал им тот же вопрос, Робин ответил, что ему стало интересно, что должен был совершить ноттингемский ратник, чтобы угодить на виселицу! Но поскольку те, кто тащил меня, отказались удовлетворить его любопытство, ему пришлось предложить им деньги в обмен на мою жизнь, чтобы спросить уже меня самого. А Вилл сказал, что ему захотелось узнать, как дорого стоит жизнь ратника шерифа.

Посмотрев на притихшую Клэрэнс, Статли ласково усмехнулся и сказал:

– Твои братья пожалели меня и решили избавить от смерти, подумав, что я должен чем-то отличаться от других слуг шерифа, раз уж меня собирались казнить. Робин выслушал мою историю и предложил мне остаться вместе с ним в Локсли. Я, конечно, согласился, сказав, что служить Рочестерам – честь для меня.

– Он сразу открыл тебе, кто он? – удивилась Клэрэнс, зная об осторожности Робина.

– Нет, но мне доводилось видеть графа Альрика, а Робин так похож на отца, что мне не пришлось долго гадать, кому я обязан жизнью. Я остался в Локсли, и мы сдружились с

Робином и Виллом, но довольно скоро Робину нанес очередной визит Гай Гисборн. Едва ли он успел меня забыть – Гисборн редко что забывает! Я решил покинуть Локсли. Робин пытался отговорить меня, но я стоял на своем, не желая отплатить ему за спасение тем, что подвергну его жизнь опасности. Ведь Робин обязательно воспрепятствовал бы попытке сэра Гая истребовать меня в Ноттингем, а Гисборн бы потребовал, если бы увидел, что я остался в живых. Они все равно не удержались от открытой вражды, так что я лишь отдалил наступление неизбежных событий. Робин снабдил меня лошадью, оружием, деньгами, и мы попрощались.

– Куда же ты отправился?

– На Север. Решил поступить на службу к кому-нибудь из лордов Пограничья. Но когда я проезжал через Шервуд, на меня напала ватага объявленных вне закона и укрывавшихся в лесу людей. Они попытались отобрать у меня коня и деньги, а когда я их без особого труда разогнал, прониклись ко мне уважением за легкость, с которой я отбил нападение, и предложили присоединиться к ним. Я согласился. Мне было все равно, где искать пристанище, но я всем сердцем не хотел далеко уезжать от Локсли. Появление в нем сэра Гая меня тревожило. Я кожей ощущал опасность для Робина и решил быть неподалеку, чтобы наблюдать, как будут развиваться события. И не ошибся: всего через пару месяцев между Робин и Гисборном что-то произошло. Сэр Гай пригласил Робина в очередной раз на конную прогулку, а на самом деле устроил на него засаду. Я еще до рассвета узнал, что недалеко от Локсли в лесу объявились вооруженные люди, и стал наблюдать за ними. Они явно что-то затевали, но не хотели быть обнаруженными. Вскоре появились Робин и Гисборн. Они о чем-то разговаривали, довольно жарко, потом сэр Гай как-то сник лицом, отступил от Робина и махнул рукой. И тогда те, кто укрывался, выскочили как по команде и набросились на твоего брата. Ох, Клэр, глядя на то, что потом произошло, я впервые понял, какой превосходный воин Робин! Умом я понимал это и раньше – мы же неоднократно скрещивали с ним клинки на тренировках, пока я жил в Локсли. Но в тот момент!..

Взгляд Статли выразил искреннее восхищение. Он смотрел так, словно видел сейчас как наяву то, что поразило его воображение в тот далекий день.

– Шесть наемных убийц, вооруженных мечами, и Робин, у которого из оружия при себе была только пара ножей. Его меч остался в ножнах, прикрепленных к седлу коня, а лошадей Гисборн заранее и, разумеется, с умыслом привязал поодаль. Один против шести, ножи против мечей – крайне невыгодное положение! Но Робин не дрогнул, не ждал ни секунды, атаковал первым. То, что было дальше, нельзя назвать иначе как смертельным вихрем, в котором он закружил всех шестерых. Я было рванулся помочь ему, но замер, опасаясь сбить с ритма и тем самым подставить под удар. Когда этот вихрь улегся, четверо лежали на земле убитыми. Сам Робин успел прислониться к дереву, защитив спину от удара. На нем было только два пореза – один на груди, второй на руке. Забавно, но сэр Гай, который стоял поодаль, тоже смотрел на него так, словно Робин был божеством: с немим восторгом. Но двое убийц еще были живы и подступали к твоему брату. Тут уж я не стал медлить и застрелил их из лука, после чего поспешил к Робину. Гисборн сразу узнал меня! Я хотел застрелить и его, но Робин не дал мне этого сделать.

– Почему?! – воскликнула Клэрэнс. – Надо было убить Гисборна! В конце концов, иной раз следует поступиться благородством! Ты должен был разубедить Робина и расправиться с Гисборном!

– Разубедить в чем-то твоего брата?! – Статли от души рассмеялся. – Попробуй как-нибудь сама, потом обменяемся впечатлениями! Но я до сих пор не уверен, Клэр, что Робин двигало благородство, хотя нас было двое, а Гисборн один и он не был готов к атаке. Ведь он не сомневался, что шесть человек справятся с одним, да еще почти безоружным! Нет, думаю, Робина удержало презрение к сэру Гаю. Тот и впрямь выглядел убогим и жалким.

Робин редко ошибается, но в тот день совершил ошибку, не осознав, до какой степени Гисборн опасен. Как ядовитая змея, которая нападает даже тогда, когда ей не угрожают. Робин приказал сэру Гаю больше не попадаться ему на глаза. Тон, которым он произнес эти слова, подействовал на Гисборна, словно удар кнута. Схватившись за меч, сэр Гай бросил Робину вызов: «Сразись со мной, Рочестер, и мы выясним, кто из нас кому вправе приказывать!» Робин, оскорбительно рассмеявшись, ответил: «С чего бы ты вдруг передумал? Четверть часа назад ты отказался скрестить со мной меч, сказав, что тебе не выстоять против меня. Я не унижусь до поединка с трусом и подлецом, кем отныне тебя считаю». И Гисборн припомнил Робину эти слова, когда привел ратников сжигать Локсли. Робин предложил решить судьбу селения поединком, а сэр Гай расхохотался и спросил, что изменилось, если благороднейший граф Хантингтон соизволил снизойти к его ничтожной особе. Он с наслаждением отказал Робину, думая, что отплатил ему унижением. Но Робин лишь усмехнулся и сказал, что еще придет время, когда Гисборн будет молить его о поединке. Но сэр Гай тогда был уверен в успехе и пренебрег словами твоего брата.

– Это было потом! Вернись сейчас к тому дню, о котором начал рассказывать! – попросила Клэрэнс.

– Тот день? – Статли глубоко вздохнул, возвращаясь из одних воспоминаний в другие. – Я пригласил Робина в свой лагерь в Шервуде. Оценив мое ратное умение, те, к кому я прикнуд, предложили мне возглавить их, и я не стал отказываться. Под моим руководством они зажили в меньшей опасности, чем без него. Ведь они не умели толком сражаться, не знали повадок ратников шерифа. Робин принял мое приглашение, и неожиданно ему понравилось в Шервуде. Он сказал, что впервые за долгие годы чувствует себя в безопасности. А я заметил, что и он у меня в лагере выглядит так естественно, словно всю жизнь провел в Шервуде.

– Робин говорил, что лес – живой. Таинственное существо, наделенное душой, сердцем и разумом, – тихо сказала Клэрэнс.

– В таком случае Шервуд и твой брат пришли друг другу по сердцу, и живой дух Шервуда принял Робина, – улыбнулся Статли. – Я в шутку ответил, что если бы Робин возглавил тех, кто нашел убежище в лесу, Шервуд под его началом превратился бы в могучую силу, с которой пришлось бы считаться не только шерифу, но и самому королю. Когда же шериф и сэр Гай попытались добраться до Робина, подослав в Локсли епископа с поддельными документами на земли селения, моя шутка показалась уже не такой веселой. Прошло совсем немного времени, и она вообще перестала быть шуткой, а сделалась правдой. О том, что произошло дальше, ты, наверное, знаешь.

– Да, – кивнула Клэрэнс. – Об этом мне рассказывал Робин, да и не только он.

И тут ей в голову пришла неожиданная мысль. Клэрэнс с тревогой посмотрела на Статли:

– Какое счастье, что не все знали о том, что ты был ратником шерифа! Иначе тебя могли заподозрить в предательстве!

– В Шервуде обо мне всем все известно, – спокойно ответил он. – Так уж вышло, что ты одна, наверное, оказалась в неведении.

Услышав его ответ, Клэрэнс в полной мере осознала, насколько велик авторитет Статли у вольных стрелков и каким безоговорочным доверием он облечен всем воинством Шервуда. Она почувствовала гордость за него и посмотрела на Статли из-под ресниц с тайным восхищением.

– Мне осталось ответить на твой последний вопрос: не жалею ли я о том, что оказался вне закона и стал вольным стрелком, – сказал Статли, не заметив ее взгляда. – Удел вольного стрелка, конечно, нелегкий. Но сейчас он представляется мне наивысшим благом. Ведь не окажись мы с тобой оба в Шервуде, я никогда не удостоился бы твоего внимания. Ты зани-

мала бы слишком высокое положение, чтобы я мог надеяться хотя бы на случайно брошенный тобою взгляд в мою сторону.

Они долго молчали. Клэрэнс была под впечатлением того, что узнала. Статли, чей облик ни в малейшей степени не утратил достоинства и уверенности, смотрел на нее, ничем не показывая напряжения, с которым он ждал ее слов. Но она молчала, и тогда он произнес, не отрывая с нее пристального взгляда:

– Я рассказал тебе всю историю моей жизни. Теперь ответь ты: после того что ты узнала обо мне, не жалеешь ли о том, что ты, дочь графа, полностью вверила себя человеку, который не знает даже имен своих родителей, не говоря уж о прочем?

Несмотря на все видимое спокойствие Статли, Клэрэнс прекрасно поняла, что его душой сейчас владеют волнение и тревога. И, зная в точности причину его смятения, она ответила ему таким же пристальным взглядом и тихо сказала:

– Нет. Если бы мы сейчас, а не той ночью, когда я еще не знала о тебе так много, оказались вдвоем в доме Эллен, я поступила бы так же. Я люблю тебя – такого, какой ты есть, здесь и сейчас. И всегда буду любить.

Напряжение оставило его, он улыбнулся, и она ласково провела рукой по его темным волосам.

– Я люблю тебя, голубка, – тихо и просто сказал Статли. – Полюбил тебя, едва увидел. Помнишь, как ты бросилась вон из собора, едва завидев наши зеленые куртки, не узнав Робина?

– Да, помню, – улыбнулась Клэрэнс, – и тебя я запомнила тоже. Ты стоял рядом с Джоном и посмеивался надо мной. Я часто думала о тебе, Вилли. Всякий раз, когда мне случалось увидеть тебя, я потом вспоминала каждый твой взгляд, каждое сказанное тобой слово и пыталась понять: нравлюсь я тебе или выдаю свои мечты за реальность.

– Нравись ли ты мне! – выдохнул Статли, привлекая ее к себе. – Я готов отдать жизнь за тебя, Клэр!

Не в силах устоять перед страстью, толкавшей их в объятия друг другу, да и не слишком противясь ей, Статли и Клэрэнс принялись целоваться до сладкой боли в губах. Потом она забралась под плащ и закрыла глаза, склонив голову ему на плечо, трепеща от нежной силы обнимавшей ее руки.

– Утром после нашей с тобой первой ночи меня настолько переполняло волнение и счастье, так хотелось поделиться с кем-нибудь тем, что я чувствовала!..

– И ты во всем призналась Робину? – улыбнулся Статли, вспомнив о разговоре с лордом Шервуда в тот же день.

– Что ты! – испуганно воскликнула Клэрэнс. – Я до сих пор не знаю, о чем в точности догадывается Робин, а спросить его никогда не отважусь. Мне «посчастливилось» налететь на него и Вилла, едва я приехала домой, и они оба так на меня посмотрели, что чуть дырки на моем плаще не прожгли! Нет, я нашла Марианну, только ей ни о чем не понадобилось рассказывать: она все поняла, лишь взглянув на меня. Она тоже выглядела такой счастливой в тот день! Позволила мне послушать, как в ней толкается ребенок. И я тогда подумала, что тоже хочу вот так однажды почувствовать под сердцем твоего сына. Ах, Вилл, как же мы обе были счастливы тем утром! Если бы мы знали, чем закончится этот день!

Она горестно вздохнула, и Статли успокаивающе погладил ее по голове.

– Как здоровье Марианны? – спросил он после недолгого молчания.

– Ей лучше. Робин сотворил какую-то новую мазь, и рубцы заживают так быстро, что глазам трудно поверить. Ожоги – те вообще почти сошли. Но она, конечно, еще очень слаба, и он не разрешает ей вставать с постели.

– Она сильно горюет о ребенке?

Клэрэнс выпрямилась, отводя с лица полу плаща, и огорченно развела руками в ответ:

– По ней ведь не поймешь, если она сама не захочет сказать. Всегда спокойна, всегда улыбается. Но я уверена, что горюет, и сильно. Она так ждала этого ребенка, что не может не горевать!

– А Робин?

– Точно такой же: улыбчивый и спокойный. Только ему в глаза лишний раз смотреть опасаясь. В них иногда мелькает такое пламя, что боишься ненароком обжечься. Но ни слова о том, что произошло. Может быть, они с Марианной и говорят о случившемся, но лишь тогда, когда их никто не может слышать. Для всех остальных – улыбки, ровный голос, разговор о чем угодно, только не о том дне. Такое чувство, что они условились молчать о своем несчастье, и, может быть, даже между собой.

– Что ж, это их право, – вздохнул Статли, – но они справятся с горем, помогут друг другу. За твоего старшего брата я опасаясь больше. Три дня назад я звал его в гости и, признаюсь честно, постарался напоить, чтобы он немного расслабился. А то в нем ощущалось такое напряжение, которого и сталь не выдерживает.

– Получилось? – фыркнула Клэрэнс.

Статли не поддержал ее смеха. Его лицо стало совсем мрачным, и он хмуро усмехнулся:

– Настолько получилось, что я сам испугался. Никогда Вилла не видел подобным... Он так рыдал, что у него едва грудь не разорвалась! Когда он рассказал мне обо всем, что им с Марианной довелось пережить, я не понимаю, как ему вообще удавалось все эти дни сохранять спокойное выражение лица и даже смеяться, тая в душе такой подспудный огонь. Сознавать, что ты сам пренебрег осторожностью и привез любимую женщину прямо в руки смертельному врагу, а потом еще и смотреть, как она заходится от боли под пытками!.. Наверное, никто, кроме Вилла, после такого не смог бы остаться в здравом уме.

У Статли вырвалось глухое проклятие. Клэрэнс удивленно вскинула брови.

– Постой! Что ты сейчас сказал? Вилл любит Марианну? Я не ослышалась?

Статли бросил на нее быстрый взгляд и, сообразив, что допустил оплошность, поморщился от досады на самого себя:

– Проговорился! То, о чем знаешь сам, кажется таким же очевидным и для остальных, а это не так. Голубка, не вздумай показать Виллу, что ты теперь тоже знаешь о его тайне. Лучше вообще забудь о том, что я сказал!

– Хорошо, – медленно проговорила Клэрэнс, невольно задумавшись над случайным открытием, и понимающе покачала головой: – Да, Вилл слишком горд и будет глубоко уязвлен тем, что его чувства известны другим, даже мне. В особенности мне!

– Никогда не понимал твоего отношения к нему, – признался Статли. – Чем он заслужил твою нелюбовь?

Клэрэнс ответила, постаравшись быть предельно честной в словах и справедливой к старшему из братьев:

– Мне как-то с детства передалось отношение к нему Эдрика. Отец одинаково любил и Робина, и Вилла, а Эдрик был безоговорочно предан только Робину и всегда видел в Вилле его соперника. И я, сколько себя помню, предпочитала общество Робина. Он ведь такой живой, веселый, яркий. Возле него меня всегда охватывало ощущение праздника, солнечного дня в самую ненастную погоду. Вилл был его противоположностью: замкнутый, сдержанный, подчас язвительный и колючий. Перед поездкой отца в Лондон, из которой он не вернулся, Вилл поссорился с ним и покинул Веардрун. Отец был так огорчен этой размолвкой, что я прониклась к Виллу уже собственной неприязнью. Потом, когда мы все поселились в Локсли, Вилл решил жениться на Элизабет. Ее отец сказал, что отдаст Лиз ему в жены, только если Робин даст согласие на этот брак.

– Отец Элизабет сомневался в том, что Робин согласится?

Клэрэнс пожала плечами:

– Вилл – сын графа, Элизабет – дочь йомена. Откуда ее отцу знать, как Робин отнесется к такому неравному браку? Он сказал, что если Робин скажет хоть слово против, то свадьбы не будет. Внука он прокормит сам, а Вилла больше и близко не подпустит к дочери. Вилл пошел к нам поговорить с Робинем, но наткнулся на Эдрика. Тот уже знал, зачем Виллу понадобился Робин, и караулил его у дверей нашего дома: мать Элизабет успела разнести по всему селению весть о желании Вилла взять ее дочь в жены, и до Эдрика она дошла раньше, чем Вилл до Робина. Он попытался отговорить Вилла, напомнил ему, что Вилл из графского рода, но тот ответил, что обязан жениться, раз Элизабет ждет от него ребенка. Эдрик в сердцах сказал, что если Вилл собирается жениться на всех, кто от него забеременеет, тогда ему лучше сразу отправиться к сарацинам, принять их веру и завести гарем. Вилл лишь рассмеялся, и тогда Эдрик намекнул ему на то, что еще неизвестно, только ли с Виллом Элизабет была так уступчива, и едва ли Вилл может быть уверен, что ребенок от него. И вот тут началось! Вилл выхватил у Эдрика из ножен меч, Эдрик схватился за нож, Эллен крикнула, чтобы я со всех ног бежала за Робинем, и если бы Робин их не разнял, неизвестно, чем бы все закончилось. Робин выслушал их обоих и, несмотря на негодование Эдрика, разрешил Виллу жениться на Элизабет. В день свадьбы Вилла и Элизабет Эдрик забрал Тиль и уехал в Маласэт, сказав, что раз Робин достаточно взрослый, чтобы не прислушиваться к нему, то Эдрику больше нет необходимости оставаться в Локсли. Он, конечно, очень надеялся, что Робин станет его отговаривать, но брат спокойно дал ему разрешение на отъезд. Только спокойствие было напускным. Я знаю, как Робин переживал размолвку с Эдриком – ничуть не меньше, чем в свое время отец переживал ссору с Виллом. Эдрик два года не давал о себе знать. Вилл пытался выступить посредником между ним и Робинем, но тот прогнал Вилла, не пустив на порог дома, – мне потом Тиль рассказывала.

– И ты рассердилась на Вилла еще больше, – понимающе усмехнулся Статли.

– Конечно! Сначала отец, потом Эдрик, и каждый раз камень преткновения – Вилл. Правда, позже у нас с ним немного наладились отношения: мы сошлись в одинаковом отношении к женитьбе Робина на Мартине. Я даже собиралась перебраться к Виллу с Элизабет, если бы это случилось. Но Робин не женился на Мартине, а потом отослал меня из Локсли, едва в селении появился Гай Гисборн. Когда же я вернулась вместе с Марианной из обители и снова встретила братьев, Вилл опять стал угрюмым и язвительным. Он сильно переменялся и совсем не вызывал у меня приязни, да и не стремился ее вызвать. Чем больше я пыталась задеть его, тем больше его забавляла моя нелюбовь к нему, а я злилась за это на него еще сильнее. Потом я поняла, что это смерть Элизабет на него так подействовала, но было уже поздно. Отношения между нами разладились окончательно, и никто из нас не стремился хоть немного сблизиться. Мы и разговаривали друг с другом вежливо только ради Робина.

– Мне кажется, ты неправа, Клэр. Твой старший брат любит не только Робина, но и тебя. А то, что у него тяжелый характер, это верно. Но надежнее друга, чем он, пожелать невозможно, и я, например, горжусь, что он считает меня своим другом.

– Меня не надо убеждать в достоинствах Вилла: они мне известны. И как бы я ни относилась к нему, но в глубине души всегда уважала за твердость и прямоту. Совсем недавно Робин рассказал мне о Вилле то, что заставило меня посмотреть на него совсем иными глазами, – сказала Клэрэнс и грустно вздохнула. – Ох, как же ему не повезло! Из всех женщин полюбил ту, на которую даже глаза поднимать не имеет права!

– Вот чего твой брат не потерпит, так это жалости, – уже непреклонно ответил Статли. – Он сам решит, в чем его везение.

Налетел порыв холодного ветра, и Клэрэнс невольно поежилась, несмотря на теплый плащ, который укрывал ее поверх ее собственного плаща. Заметив это, Статли решительно поднялся на ноги и протянул руку Клэрэнс.

– Ты совсем озябла! Поедем ко мне, Клэр. Да право же, еще рано, чтобы тебя хватились дома! – сказал он, заметив сомнение в ее глазах.

– Нет, Вилли, – покачала головой Клэрэнс. – У Робина сейчас и так хватает забот и огорчений, чтобы добавить ему беспокойства из-за моего долгого отсутствия. Давай поступим иначе! Ты проводишь меня домой, а когда Робин пригласит тебя остаться на ужин, не станешь отказываться. Хорошо?

– Как скажешь, моя Клэр, – улыбнулся Статли, помогая ей подняться и крепко сжимая пальцы Клэрэнс в своих ладонях. – Пусть все будет так, как хочешь ты.

Его уступчивость была вознаграждена долгим поцелуем, которым Клэрэнс прижалась к его губам. Отвечая на поцелуй, Статли сначала нежно, а потом уже властно обнял ее и крепко прижал к груди.

– А когда ужин закончится, я найду дверь в твою комнату открытой? – прошептал он, дотрагиваясь поцелуями до лба Клэрэнс.

– Разве ты прежде находил ее запертой? – спросила она в ответ.

– Значит, мне можно будет остаться с тобой на ночь? – шепнул он, и, когда она, зардевшись румянцем, молча кивнула, его дыхание невольно участилось, а руки с нежной силой заскользили вдоль ее тела, сминая складки плаща и платья.

Она покорно прильнула к нему, но он все равно услышал легкий вздох, слетевший с ее губ. Отстранив Клэрэнс, Статли заглянул в ее глаза и увидел в них грусть.

– В чем дело, голубка? – с тревогой спросил он. – Что тебя печалит?

Она помедлила, но, повинувшись его настойчивому взгляду, сказала:

– Меня угнетает необходимость скрывать свою любовь к тебе, Вилли. Мы приедем вместе, но в трапезной разойдемся в разные стороны. За стол сядем рядом, но мне придется все время следить за собой, чтобы ненароком не взять тебя за руку. А если уж не уследила и взяла, то быстро отпустить ее. Вести с тобой незначущий разговор, но лучше вообще не вести, а участвовать в общей беседе, лишь бы не отвлечься на тебя, тут же забыв обо всех, кто рядом и видит нас с тобой. Потом я уйду к себе и буду прислушиваться в ожидании твоих шагов. А ночью все время просыпаться, чтобы не пропустить приближение рассвета, когда придет время разбудить тебя, чтобы ты успел незаметно уйти из моей спальни.

Он выслушал ее и, улыбнувшись, ответил:

– Клэр, радость моя! То, что тебя огорчает, очень легко исправить! – и, когда она обратила к нему удивленный взгляд, предложил: – Выходи за меня замуж, Клэр, и нам больше ни от кого не придется таиться.

Ее ресницы взметнулись, как крылья бабочки. Клэрэнс на миг затаила дыхание и прикусила губу, выразив сильное сомнение.

– Ты думаешь, Робин даст согласие на наш брак?

– Я мог бы тебе напомнить о том, что прежде он дал согласие Виллу, и начать рассуждать, как он отнесется теперь уже к нашему браку, но не хочу тебя мучить, – рассмеявшись, ответил Статли и, став серьезным, сказал: – Робин дал согласие.

– Когда?! – поразилась Клэрэнс. – Ты говорил с ним?!

– В то самое утро, и не я с ним, а он со мной. Я хотел найти для разговора с Робинем более удачное время, но он не предоставил мне такой возможности, – ответил Статли и, увидев, как заволновалась Клэрэнс, снова рассмеялся: – Клэр, конечно, он обо всем догадался. Не только по твоему лицу, но и по моему тоже.

– И он разрешил тебе жениться на мне? – перепросила Клэрэнс. – Вот так, просто, даже не спросив, что я думаю по этому поводу?

– А надо было спрашивать? – улыбнулся Статли и, заметив, как Клэрэнс с притворной капризностью надула губы, церемонно сказал: – Робин дал разрешение, обусловив его

твоим согласиём, Клэр. И теперь я тебя спрашиваю: Клэрэнс, ты согласна стать моей женой и обвенчаться со мной?

Она недолго помолчала – ровно столько, чтобы он успел начать тревожиться, но не встревожился всерьёз, и тоном кроткой благодетельной девицы ответила:

– Поскольку мой старший брат и лорд выразил свою волю, то с моей стороны было бы вверхом неприличия воспротивиться его слову, отказав тебе. Я согласна.

– Только как преданная и послушная сестра? – усмехнулся Статли.

Его шею тут же обвили руки Клэрэнс, она распахнула голубые глаза, и он увидел, сколько сияло в них счастье.

– Как та, которая любит тебя душой! – услышал он и, не скрывая своей радости, подхватил ее на руки и закружил.

– Мы приедем к вам и прямо за ужином объявим о нашей помолвке! – сказал он, сажая ее на своего коня. – И попросим Робина назначить день нашей свадьбы!

– Правильно ли будет так поступить? – засомневалась Клэрэнс, когда они сели в седло и он бережно обнял ее. – Так мало времени прошло с того злополучного дня! У Робина и Марианны еще слишком свежа память о собственном горе, а мы, сияя счастьем, объявим о помолвке?

– Не беспокойся, Клэр. Сделав так, мы не поступимся тактичностью. В Шервуде любят радость – она помогает быстрее справиться с печалью. Просто поверь мне! – горячо сказал в ответ Статли.

Но когда они добрались до лагеря лорда Шервуда, там царил оживление, однако не такое, при котором Статли и Клэрэнс было уместно объявить о своей помолвке. Робин, стоя возле очага, лишь скользнул взглядом по сестре и позвал к себе Статли.

– Я уже собирался послать кого-нибудь разыскивать тебя! Иди сюда – есть дело.

Вокруг Робина собрались Вилл, Джон, Алан и отец Тук. Статли поспешил присоединиться к их кружку. Клэрэнс, помогая Кэтрин и Мартине накрывать столы к ужину, бросала быстрые взгляды в сторону Робина и его друзей, которые переговаривались так тихо, что она не смогла услышать ни слова. Она только увидела, как старший брат довольно хлопнул Робина по плечу. Джон, подняв глаза к потолку, о чем-то недолго думал и тоже кивнул. Отец Тук очень тяжело вздохнул, помедлил и нерешительно покачал головой в знак согласия с каким-то предложением лорда Шервуда.

– Тогда быстро за стол, ужинаем и отправляемся! – сказал Робин, подводя черту под обсуждением.

После ужина Клэрэнс ушла к себе – Статли опять принялся что-то обсуждать с Робин и Аланом. Она уже догадалась, что их планам сегодня не суждено сбыться – любимый куда-то уедет – и огорченно вздохнула. Но Статли зашел к ней через четверть часа, и она увидела, что он одет, как ратник Гисборна.

– Куда вы собрались? – спросила Клэрэнс, ощутив в груди холод тревоги, и поняла, что теперь это ее удел – провожать его, ждать, тревожиться и встречать.

– Заплатить по старым долгам, – ответил он, и по его губам пробежала непривычная для нее жестокая усмешка, которая, впрочем, тут же сменилась ласковой улыбкой, едва глаза Статли встретились с погрустневшими глазами Клэрэнс.

Он обнял ее и поцеловал в лоб.

– Не печалься, голубка! Утром увидимся.

– Я буду ждать тебя, – сказала Клэрэнс, пряча глаза, чтобы не расстроить его своим огорчением. – Будь осторожен! Береги себя ради меня, пожалуйста. А я пока свяжу тебе перчатки – твои уже прохудились.

Статли нежно усмехнулся, снова поцеловал ее, на этот раз в губы, и выпустил Клэрэнс из объятий. В комнату зашел Робин с оружием и тоже одетый ратником Гисборна. Казалось,

что присутствие Статли в спальне Клэрэнс было для лорда Шервуда обычным делом, не стоящим ни удивления, ни вопросов.

– Пора, Вилли, все уже готовы, – негромко сказал он и посмотрел на сестру: – Клэр, побудь с Марианной. Я напоил ее сонным отваром, она должна проспать до рассвета. А Нелли тоже надо отдохнуть хоть немного.

Клэрэнс кивнула, провожая их обоих грустным взглядом, и поймала на прощание быстрый, любящий взгляд Статли, когда он, не удержавшись, оглянулся на нее.

Глава двадцать вторая

Робин стремительно вошел в трапезную, следом за ним – Джон и Вилл, которые несли большой мешок. Позади них шли Статли, Алан и десяток стрелков – все в одеждах с гербами Гисборна. Еще два стрелка были в монашеских рясах.

– Джон! Отправляй гонцов по Шервуду, пусть объявляют общий сбор, – отрывисто приказал Робин.

– Как обычно, возле старого дуба? – уточнил Джон.

– Нет, – после секундного раздумья ответил Робин, – выбери другое место. Дуб не заслужил такого!

Джон понимающе хмыкнул и, сделав знак Виллу отпустить кромку мешка, свалил ношу на пол. Робин повел глазами в сторону мешка и, отвернувшись, небрежно бросил:

– Заприте его! Ему как раз хватит времени прийти в себя и поразмыслить о своих грехах на досуге.

И он прежним стремительным шагом прошел к себе. В изголовье постели Марианны сидела Клэрэнс, сосредоточенным шепотом пересчитывая петли на спицах.

– Тихо, она еще спит, – предупредила Клэрэнс, услышав, как открывается дверь, сбилась со счета и с досадой подняла голову.

Увидев Робина, она отложила вязание и подбежала к брату:

– А Вилл? Он вернулся с тобой?

– Вернулся! Беги к нему! – рассмеялся Робин.

Клэрэнс, радостно ахнув, бросилась к двери. Вилл Скарлет, входя в комнату следом за Робинком, посторонился, пропуская сестру, которая едва не сбила его с ног, и не удержался, чтобы не проводить ее ласковым шлепком.

Разбуженная голосами и смехом Марианна сонно заворочалась и приподнялась на локте, моргая глазами, в которых плавал дурман сна, вызванного травяным отваром. Робин сбросил плащ и сел на кровать рядом с ней.

– Доброе утро, родная! – тихо сказал он, привычно пощупав ее лоб. – Жара нет. Как тебе спалось?

Марианна обняла его и потерлась щекой о его щеку, холодную от зимнего ночного мороза. Заметив рядом Вилла, она ласково улыбнулась и ему. Ее глаза прояснились, она увидела на одежде Вилла герб Гисборна, удивленно перевела взгляд на Робина и обнаружила, что и тот одет ратником Гисборна.

– Что это за маскарад? – с недоумением спросила Марианна, снимая руки с шеи Робина. – Где вы были?

– В гостях у сэра Гая, – ответил Вилл и принялся расхаживать по комнате, фыркая, как рассерженный дикий кот.

– Так он жив?! – нахмурилась Марианна.

– Ночью был еще жив, – сказал Робин, поднимаясь с постели, и, заметив в глазах Марианны прежнее непонимание, пояснил: – К огромному сожалению, стрела Статли ранила его, а не убила, как мы надеялись. Но рана должна была быть очень тяжелой, таковой она и оказалась. Да еще воспалилась. Поэтому Гай, заглянув смерти в глаза, пожелал причаститься и исповедоваться.

– А вы откуда узнали, что ему нужен священник?

– От его слуг, – ответил ей Вилл. – Они, когда попадают к нам в руки, становятся разговорчивыми. Вот и поведали нам о приказе их господина, а мы поспешили исполнить жела-

ние умирающего сэра Гая и привезли к нему священника. Чересчур добросовестного священника, на мой взгляд!

Робин достал два кубка, налил в них вино и протянул один Виллу. Тот залпом осушил кубок и глухо сказал:

– Пойду, сброшу с себя одежды с этим гербом, отмоюсь от них, а после побеседую с отцом Туком!

По его губам скользнула непонятная для Марианны и весьма свирепая улыбка, и Вилл ушел. Марианна, почувствовав слабость, прислонилась плечом к стене и посмотрела на Робина. Он, не присаживаясь за стол, неспешно пил вино, глядя в окно отрешенным взглядом.

– Ничего не понимаю! – сказала она. – Зачем вам понадобилось снова рисковать и пробираться в замок Гая, если вы уехали, оставив его в живых? Только не уверяй меня, что тебя действительно заботила его душа.

Робин перевел взгляд на Марианну и усмехнулся:

– Душа Гая меня уже давно не заботит. Она для меня ясна, как линии на моей ладони, – ответил он, поставив на стол опустевший кубок. – Священник был только предлогом, чтобы проникнуть в замок, куда я, кстати, сам не входил, не будучи уверенным в том, что молочный брат Гая и командир его ратников вновь окажется таким же снисходительным, каким он показал себя в Ноттингеме. Нам был нужен Хьюберт, который безвылазно сидел в замке, едва туда перевезли Гая.

При имени Хьюберта Марианна замерла.

– И что? – настороженно спросила она, не сводя глаз с Робина.

– И вот Хьюберт снова в Шервуде, стрелкам объявлен сбор, и сегодня мы наконец покончим с этой всем изрядно надоевшей историей, – бесстрастно ответил Робин и, оглядев себя, брезгливо поморщился. – Пожалуй, я последую примеру Вилла и схожу в купальню. Меня тоже воротит от герба Гая!

Когда он вернулся, Марианна все так же сидела на постели, привалившись плечом к стене, и о чем-то думала. Робин молча переоделся в чистую одежду.

– О чем ты хочешь говорить с Хьюбертом? – тихо спросила Марианна.

Руки Робина, расправлявшие ворот рубашки, замерли. Он обернулся к Марианне, и по его губам пробежала невеселая улыбка.

– О чем мне с ним говорить? – он холодно пожал плечами. – О том, что его толкнуло на предательство? Меня это не интересует. Пусть посмотрит в глаза тем, кто считал его своим другом и кого он предавал при первой возможности.

– А потом? – помедлив, спросила Марианна.

Его глаза сузились в неумолимом прищуре, и Робин глухо ответил:

– Никакого «потом» для него не будет.

Встретившись с ней взглядом, Робин улыбнулся и, присев на кровать возле Марианны, осторожно провел ладонью по ее щеке.

– Я ненадолго, милая, – сказал он так, словно собирался в обычное патрулирование по Шервуду.

Марианна поймала его руку, удержав Робина, когда он хотел встать, и негромко, но твердо сказала:

– Я хочу поехать с вами.

Он не удивился ее словам, лишь внимательно посмотрел на Марианну.

Прошла неделя с той ночи, когда он привез ее из Ноттингема. Эллен с помощью сонных зелий продержала Марианну во сне больше суток, и, когда она очнулась от забытья, Робин, как и обещал ей, был рядом. Призвав на помощь всю выдержку, он наблюдал, как проясняются ее глаза, как она вспоминает о том, что произошло. И вот по изменившемуся

выражению ее лица он понял, что она вспомнила все – от начала и до конца. Ее ресницы едва заметно дрогнули. Выпростав руку из-под покрывала, она провела ладонью по опавшему животу и прикусила губу. Он перехватил ее руку и прижал к своей щеке. Он заранее приготовил себя к ее отчаянию, ожидал поток слез, но не случилось ни первого, ни второго. Марианна лишь посмотрела на него из-под ресниц и, улыбнувшись тенью былой улыбки, еле слышно сказала:

– Не беспокойся обо мне. Со мной все в порядке.

Эллен, которая была в тот момент рядом, от досады даже прищелкнула пальцами. Робин понимал и разделял ее досаду: он тоже боялся каменного спокойствия Марианны, как уже было в конце апреля. Но его опасения были напрасными – слезы пришли к ней. Той же ночью, устроившись спать на медвежьей шкуре у камина, он был разбужен тихими всхлипываниями. Очнувшись в один миг, он оказался возле Марианны и, встав на колени рядом с кроватью, увидел, что она плачет. Слезы струились и струились из ее широко раскрытых глаз.

– Я не мог его спасти, – тихо сказал он, взяв ее руку в свои ладони. – Тебя – да, но не вас обоих.

Она скосила на него полные слез глаза и слабо улыбнулась мокрыми распухшими губами.

– Я знаю, – услышал Робин. – Он умер еще в Ноттингеме. Я боялась дыбы, а он был настолько мал и слаб, что не смог перенести плетей. Мой бедный маленький мальчик!

Ее губы запрыгали в безутешных рыданиях. Робин молча вытирал ее лицо, не мешая излиться слезам, и гладил Марианну по голове, непрестанно думая о том, что если бы его постигла неудача, эти светлые волосы, нежное даже в кровоподтеках и ссадинах лицо, тонкие израненные руки – все это стало бы горсткой пепла, смытой первым дождем. И от такой мысли по нему пробежала дрожь запоздалого ужаса.

Наконец она затихла, слабо потянула его за руку, и он, поднявшись с колен, сел на постель, приподнял Марианну, обнял и прижал к себе. Ее слезы горячими редкими каплями падали ему на руку. Он вместе с ней, но без слез, глубоко в сердце оплакивал общую для них утрату – желанного сына, зачатого в любви, любимого до появления на свет, погибшего прежде рождения. Никто из них не увидел его, не взял на руки, не прижал к груди, и даже в могилу его положили не материнские и не отцовские руки. Если бы не пытки, на которые Гай Гисборн обрек Марианну!..

– Что? – спросила она, услышав глубокий вздох, вырвавшийся из груди Робина.

– Может быть, тебе стоило согласиться и написать для меня письмо под диктовку Гая, – помедлив, сказал он.

Она заметалась в его руках, и Робин с трудом успокоил ее, убаюкал, прижавшись губами к виску.

– Нет! – яростно ответила она. – Пойми, я бесконечно верю в твой ум, но он сумел бы найти такие слова, которые заставили бы тебя отбросить все разумные доводы и забыть даже о толике осторожности!

– Тогда хотя бы признаться ему, что я все равно не знаю твоего почерка.

– И тогда это письмо написал бы кто-нибудь другой? – усмехнулась Марианна и покачала головой. – Но Гай все равно заставил бы меня взяться за перо, даже если бы я открыла ему, что никогда не писала тебе ни строчки. Я в его глазах прочитала, что он хочет – страстно хочет! – чтобы я предала тебя. Чтобы потом швырнуть тебе в лицо доказательство моей слабости, желание спастись ценой твоей жизни. Даже сквозь боль я видела в его глазах торжество, когда он смотрел, как Вилл пытался разорвать удерживавшие его путы, когда он слышал, как Вилл умолял его приказать палачу остановиться. За считанные часы Гай понял Вилла так, как я за месяцы не смогла разгадать. А если бы я написала это письмо... Милый,

неужели ты думаешь, что я смогла бы жить после этого? Он хотел отобрать у меня нашего сына и воспитать своим еще одним преданным псом. Мне даже не пришлось бы объяснять мальчику, что случилось с его отцом. Меня бы оторвали от нашего сына и отослали прочь, если бы не подстроили смерть в родильной горячке. Он суший дьявол, Робин, которому нужна только власть! И не просто власть, а власть над душами тех, которые отвергли его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.